

В ИМЭМО РАН в дистанционном режиме состоялся очередной межинститутский семинар “Современные проблемы развития”, (руководитель д.и.н. В.Г. Хорос ИМЭМО РАН). С докладом “Развитие и модернизация в Белоруссии” выступил к.и.н. А.Д. Гронский (ИМЭМО РАН).

В обсуждении приняли участие м.н.с. А.З. Арабаджян (ИМЭМО РАН); Д.В. Болкунец (эксперт Международного центра политического анализа и информационной безопасности); д.э.н. Е.А. Брагина (ИМЭМО РАН); д.и.н. А.Г. Володин (ИМЭМО РАН); к.и.н. М.А. Володина (ИМЭМО РАН); к.э.н. Н.А. Карагодин; д.полит.н. И.Н. Куклина (ИМЭМО РАН); к.полит.н. Е.М. Кузьмина (ИМЭМО РАН); О.Б. Неменский (вед.н.с. Центра исследований стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований); д.и.н. Е.Б. Рашковский (ИМЭМО РАН), к.и.н. А.И. Суздальцев (заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”); д.и.н. В.Г. Хорос (руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН).

Ниже помещены материалы семинара.

В.Г. Хорос: До сих пор на нашем семинаре по большей части изучался опыт развивающихся стран (Китая, Индии, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и других). Постсоветское пространство рассматривалось лишь фрагментарно и в сравнительном аспекте (например, государства Прибалтики), либо в случае России. Бывшая советская республика как таковая в рамках нашего семинара представлена впервые.

Между тем эта тематика очень важна и вполне вписывается в контекст развития и модернизации. Для нее даже определился термин «переходные экономики», т.е. бывшие социалистические страны, где развиваются рыночные отношения. Но в этих рамках постсоветские общества имеют свою специфику. Ведь они «до того» были частью единой политической и хозяйственной системы (Советского Союза), нарушение которой создало немалые проблемы и определенные особенности этого типа социально-экономической и политической эволюции. На этом фоне опыт Белоруссии долгое время выделяли как относительно успешный среди других постсоветских государств.

А.Д. Гронский (доклад)

Развитие и модернизация Белоруссии

1. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ БЕЛОРУССКОГО ТРАНЗИТА

После распада СССР Белоруссии досталось немалое наследство в сфере экономики. В первую очередь, это производство грузовых автомобилей и тракторов, калийных удобрений, радиоэлектроники, в том числе и военной, металлопроката, производство пищевой и легкой промышленности, а также – в неплохом состоянии – сельское хозяйство. Однако всё это производство находило сбыт внутри Белоруссии в очень малом количестве и было рассчитано на поставки в другие республики СССР.

После распада единого государства Минску пришлось решать задачу по сохранению прежних экономических связей и выстраиванию новых. В их числе – сохранение поставок энергоносителей и комплектующих в первую очередь из России. Дело в том, что тяжёлая промышленность Белоруссии была достаточно энергоёмким производством. Помимо того, для автомобиле- и тракторостроения необходим был металл, двигатели и т.д. Всё это можно было получить из России.

Белоруссия смогла найти свои ниши в торговле на постсоветском пространстве, в первую очередь в России, а также расширить связи с дальним зарубежьем. Сохранение производственных мощностей – на фоне того, что аналогичные производства в России находились в кризисе или вообще прекратили работу, – помогло избежать серьёзной конкуренции. Это, в свою очередь дало возможность получать валюту при продаже товаров за рубеж. В 90-х гг. стремление официального белорусского руководства к интеграции с Россией помогало создавать у Кремля образ надёжного и даже единственного союзника. Первые несколько лет дешёвые энергоносители поставлялись по инерции, а позже – как поощрение стремления к интеграции со стороны Белоруссии.

Необходимо подчеркнуть, что Белоруссия, в отличие от многих своих «товарищей по распаду» СССР, смогла сохранить большую часть советского промышленного наследия в рабочем состоянии, что помогло быстро нормализовать социально-экономическую ситуацию. Но сохранённое наследие не могло эффективно работать без дешёвых российских энергоносителей. Также для сохранённого советского наследия нужны были рынки сбыта, которые в первую очередь предоставляла Россия. В этом смысле успех Белоруссии зависел не только от собственных усилий, но и согласия России стать донором белорусского экономического «чуда», готовности спонсировать союзника, и в значительных масштабах.

Но в Белоруссии не учитывали того, что производство в России постепенно восстанавливается. С течением времени российская продукция стала успешно конкурировать с белорусской. Помимо того, на постсоветские рынки пришёл Китай. Все же некоторые ниши остались. В частности, Белоруссия производила тягачи для российских баллистических межконтинентальных ракет. Вместе с тем постоянные конфликты Минска и Москвы, в основном, связанные с поставками российских нефти и газа, заставляли Кремль задумываться о надёжности своего главного партнера. Но никаких серьёзных решений до поры до времени не предпринималось.

После 2014 г. ситуация резко изменилась. Завязанное в основном на СНГ и, в частности, на Россию белорусское производство получило шанс расширить своё присутствие на российском рынке за счёт импортозамещения. Однако Минск начал под видом белорусских товаров ввозить в Россию попавшие под ответные санкции европейские товары. Всем известны знаменитые белорусские креветки и другие продукты, не производящиеся в Белоруссии. Когда Россия запретила ввоз грузинских вин, они начали поставляться через Белоруссию, то же самое было с молдавскими винами.

Постепенно в белорусском производстве стали нарастать негативные тенденции. Россия блокировала некачественную белорусскую продукцию, боролась с поставками санкционных товаров под видом белорусских, расширяла собственные производства. Минск в ответ стал искать новые рынки сбыта. Расширилась торговля с Китаем, начались попытки продвижения в Африку и некоторые страны Азии. Но больших успехов это не принесло. Стремление использовать, с нарушением российских норм, сложившуюся в результате российско-западной санкционной войны ситуацию; отказ от поддержки своего союзника в международной политической сфере (например, перехода Крыма в состав России и пр.); угрозы со стороны Минска заморозить интеграционные процессы в качестве средства борьбы за неадекватно низкие цены на энергоносители – все это в конце концов привело к тому, что Россия стала пересматривать своё отношение к

Белоруссии. Это, естественно, сказалось на экономической ситуации в стране и постепенно перешло в политическую плоскость.

2. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Интеграционные стремления Белоруссии, проявляемые ею на первых порах, не подлежат сомнению. На состоявшихся летом 1994 г. первых выборах белорусского президента во второй тур прошли премьер-министр Вячеслав Кебич и депутат Верховного Совета Александр Лукашенко. Риторика обоих была интеграционной. Выборы выиграл более популистски проводивший избирательную кампанию Лукашенко. Он достаточно эффективно сыграл на пророссийских настроениях, укрепив свою власть. В 1995 г. был проведён референдум, на котором в том числе были поставлены вопросы о русском языке как о втором государственном и о движении к экономической интеграции с Россией. Оба вопроса были поддержаны населением (первый вопрос: за – 83,3 %, против – 12,7 %, второй вопрос: за – 83,3 %, против – 12,5 %). 2 апреля 1996 г. был подписан договор о создании Сообщества Белоруссии и России, ровно через год – Союза Белоруссии и России, а 8 декабря 1999 г. Договор о создании Союзного государства (ратифицирован 26 января 2000 г.).

Лукашенко очень быстро вошёл в политическую повестку России. Он даже стал казаться видимой альтернативой Ельцину. Ельцинская Россия переживала кризис, деградировало производство, в Чечне продолжались боевые действия, в некоторых регионах России происходили теракты, не утихала преступность и т.д. В Белоруссии картина выглядела иначе: спокойствие, отсутствие вооружённых конфликтов, социальных контрастов, работающее производство...

Лукашенко считал, что он может стать удачным конкурентом любого российского политика на выборах президента, но у него не было российского гражданства. Этот вопрос в принципе решался через образование Союзного государства. Но вскоре Лукашенко разочаровался в возможности подобной перспективы и, соответственно, интеграции. Можно даже указать дату, которая стала рубежом между реальным желанием интеграции и формальными разговорами о ней – 31 декабря 1999 г., когда поздно вечером исполняющим обязанности президента России стал Владимир Путин.

В начале 2000-х Россия стала постепенно выходить из кризиса, что нарушало образ Лукашенко как единственного постсоветского политика, способного сохранить социально-экономическое развитие и приличный уровень жизни населения. Стремление белорусского лидера к интеграции всё более ослабевало. Со стороны Путина, наоборот, проявился интерес к интеграции. Начались разговоры о единой валюте, на что очень негативно отреагировал Лукашенко. Отсутствие у белорусского лидера желания интегрироваться, но при этом поддерживать высокий уровень жизни в Белоруссии за счёт России вызвали у Путина предложение определиться: или интеграция и помощь, или просто добрососедство, но переход на рыночные отношения.

Лукашенко реально интегрироваться не собирался. Для Белоруссии начали дорожать поставки газа. Это привело в 2007 г. к заявлению Лукашенко о том, что ему предлагают войти в состав России, чего он делать не будет. Тем не менее, белорусский лидер попытался сыграть на российском поле в период выборов российского президента в 2008 г. В России появился сайт «Лукашенко 2008», где белорусский лидер всячески рекламировался как общий президент и как человек, который имеет право выдвигаться в президенты России. Накануне выборов – 2012 была очередная попытка сайта поднять вопрос о Лукашенко, но и это не увенчалось успехом.

Начиная с 2008 г. можно говорить о новом этапе сопротивления интеграции со стороны Минска. Мировой экономический кризис повлиял на положение в стране. Россия не собиралась увеличивать помощь союзнику, который всего лишь «продаёт дружбу», только обещая поддержку. Это показали события в Южной Осетии. После признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россией Белоруссия не только

отказалась признавать их, но начала искать контакты с Западом, чтобы попытаться получить финансовую помощь за отказ от признания.

Запад заинтересовался сменой вектора белорусской политики. В 2009 г. начинается конструирование положительного имиджа Лукашенко на Западе. В 2010 г. Минск начал новый конфликт с Москвой из-за несанкционированной откачки российского газа, идущего в Европу. Дело дошло до отключения поставок в Белоруссию. Этот конфликт проходил на фоне подготовки к подписанию соглашения по ЕАЭС. Конфликт был разрешён, Белоруссия не добилась желаемого от России. Отношения с Западом также резко осложнились после попытки захвата оппозицией здания Центризбиркома на выборах президента Белоруссии в декабре 2010 г. Резкая реакция Запада на задержания оппозиционеров снова подтолкнула Лукашенко к разговорам об интеграции с Россией, но к 2013 г. интерес к интеграции снова начал угасать. Реально готовить интеграцию Лукашенко не собирался.

Ситуация снова обострилась в 2014 г. Часть белорусской элиты и белорусская оппозиция почему-то решили, что русские танки, дойдя до Киева, повернут на Минск. Помимо того, встал вопрос о признании Крыма частью России. Лукашенко вновь встал на сторону Запада. Несмотря на массовую поддержку простыми белорусами действий России в Крыму, власти солидаризировались с оппозицией.

С 2014 г. начинается методичная борьба с социокультурными символами, исторической общности России и Белоруссии. Запрещаются георгиевские ленты (правда, запрет отменили после резко негативной реакции населения), вводится собственная лента красно-зелёных государственных цветов, не имеющих отношения к Победе, запрещается проведение акции «Бессмертный полк» и пр.

После 2014 г. на государственные праздники Минск украшается флажками не только красного и зелёного цветов, но также флажками голубого и жёлтого цветов, что означает поддержку украинской стороны в конфликте на Донбассе. Начинается активная деруссификация. Изменяются уличные указатели. Несмотря на то, что подавляющее большинство туристов в Белоруссии – это россияне, указатели, в том числе и на туристических маршрутах, выполняются на трёх языках – белорусском, английском и китайском. Полностью игнорируется то, что более 97 % белорусов в быту общаются на русском языке, что может определять русский язык как родной.

Минск начинают посещать американские и европейские политики, которые называют Белоруссию последним бастионом против русского неоимпериализма. Белорусские власти молчаливо с этим соглашаются. В 2017 г. на заседании сессии ПАЕСЕ Белоруссия голосует против России.

В 2018 г. Россия предлагает начать реальную интеграцию, что вызывает резкое сопротивление белорусской элиты. Лукашенко начинает утверждать, что договор о создании Союзного государства уже не слишком актуален, поэтому стоит его пересмотреть. Причём, только в пользу Белоруссии. По сути, Лукашенко предложил России продолжить спонсирование белорусского режима, который активно проводит политику деруссификации. Весь 2019 г. происходил торг по интеграции. Лукашенко снова пытался продать пустые обещания, но на этот раз не сработало. Интрига перешла в 2020 г.

3. ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Отдельный интерес вызывают ведущиеся сейчас активные поиски национально-культурной идентичности белорусов. Исторически белорусская этническая идентичность достаточно молода. Ее идеологи появились лишь в конце XIX в., а белорусское массовое самосознание, как и современная территория Белоруссии были сформированы национальной политикой большевиков. Местное население в основном придерживалось русской или, в ряде случаев, польской идентичности. Слово «белорус» практически было неизвестно крестьянам до установления советской власти. После войны советская власть

не занималась тотальной белорусизацией, тем более, что белорусский коллаборационизм добавил негатива в отношении белорусского языка как маркера идентичности. Белорусы никогда массово не говорили на белорусском языке, его изучение в позднесоветское время начиналось в школе даже не с 1 класса. Родным языком для подавляющего числа белорусов он никогда не был. Тем не менее, белорусский национализм существовал на всём протяжении истории СССР – правда, как сугубо маргинальное явление.

В период перестройки стало модно критиковать всё советское и возрождать то, что советский строй преследовал (или якобы преследовал). Именно желанием «быть в тренде» можно объяснить активизацию националистических настроений у ряда лиц. Хотя некоторые из них были искренне уверены в необходимости возрождения некоей «настоящей» белорусской культуры. Таких, правда, было очень мало, также как и их влияние. 82,7 % жителей БССР поддержали референдум о сохранении СССР.

После распада СССР несколько лет продолжалась инерция поисков идентичности. В основном же люди психологически ощущали себя жителями большой страны, которой уже не было. Так, вплоть до начала XXI в. наблюдались случаи, когда столицей назывался не Минск, а Москва. Белорусы до сих пор более активно следят за российской политикой, чем за белорусской.

Пришедший на волне интеграционных лозунгов Лукашенко поначалу устраивал большинство белорусов. В середине 90-х гг. он достаточно критически относится к возможностям белорусского языка, позже заявил, что белорусы – «это русские со знаком качества». Эти высказывания раздражали белорусских националистов, но вполне соответствовали представлениям большинства.

Первые заметные признаки беспокойства властей по поводу отсутствия «правильной» идентичности можно отнести к 2002 г., когда встал вопрос о создании идеологии белорусского государства. Но вплоть до 2014 г. какого-то особо пристального внимания к формированию этно-культурной идентичности власти не проявляли. Поддержка президента населением строилась не на национальных лозунгах, а на обеспечении социально-экономического развития взамен на лояльность в отношении власти. Попытки актуализировать проблемы национальной идентичности были слабыми. Хотя явное расхождение оценки властью и народом одних и тех же событий появилось еще в 2008 г. Например, большинство белорусов одобрительно отнеслось к признанию Абхазии и Ю. Осетии, а власть и оппозиция – нет.

После массового одобрения белорусами «Крымской весны» и однозначной поддержки «новоросской» стороны в конфликте на востоке Украины белорусские власти активно взялись за формирование официальной этно-культурной идентичности. Началась активная деруссификация. Из системы городских указателей стал быстро исчезать русский язык. Власти перестали преследовать активных оппозиционных националистов, а также сами стали брать на вооружение их методы. С 2014 г. был введён «день вышиванки». Сначала это мероприятие провела оппозиция, а через несколько месяцев его повторила власть, после чего оно было «назначено» ежегодным.

Нужно отметить, что разрыв общего культурно-исторического пространства начался не в 2014 г., тогда он просто стал более заметен. В 2011 г. в белорусском школьном учебнике по истории Белоруссии исчез термин «Отечественная война 1812 г.». Мотивировалось это тем, что белорусы воевали как на стороне Александра I, так и на стороне Наполеона. То, что белорусской идентичности в то время не существовало, было проигнорировано. В 2012 г., в год 200-летия Отечественной войны 1812 г. привычное название было отменено и на государственном уровне. Правда, власти и оппозиция не смогли преодолеть массовое представление и историческую память, поэтому в 2018 г. в учебники название «Отечественная война 1812 г.» снова было возвращено. Причём, происходило это не добровольно. Из Администрации президента был звонок с требованием вернуть название, и авторы были вынуждены подчиниться. Не

Отечественной, а обычной войной 1812 г. она осталась лишь у оппозиции и некоторых чиновников.

По аналогии с 1812 г., где якобы Александр I и Наполеон столкнули белорусов в гражданской войне, был сконструирован новый взгляд и на Великую Отечественную войну. Только на роль лиц, столкнувших белорусов в гражданской войне, были назначены Гитлер и Сталин. В 2019 г. эту риторику подхватила власть. Лукашенко два раза подчеркнул, что Великая Отечественная война была не своей, чужой для белорусов, которые только страдали от неё. Это заявление вызвало возмущение не только в Белоруссии. На него отреагировал Д.А. Медведев, после чего белорусское телевидение обвинило Россию в том, что она сама виновата во всех войнах. Дескать, размеры России и вообще само ее существование представляло угрозу цивилизованному Западу, поэтому Россия сама провоцировала и Наполеона, и Вильгельма II и даже Гитлера. Однако дезавуирование Великой Отечественной войны не сработало. Власть опять вернулась к прежней схеме причастности к Великой Отечественной войне.

В формировании новой антироссийской белорусской идентичности косвенно принимает участие и Россия. В частности, российская сторона не акцентирует внимание на антироссийских действиях белорусских властей. В российском информационном пространстве (в первую очередь федеральных СМИ) не сообщается о реальном положении дел в Белоруссии. Российское посольство в Минске поддержало репрессии против пророссийских публицистов, которые показывали воочию изменение вектора политики Белоруссии. В частности, бывший в то время послом России в Белоруссии А. Суриков сделал это открыто.

Сейчас борьба за культурно-историческую «самостийность» продолжается. Оппозиция и власть в Белоруссии быстрыми темпами конструируют новую белорусскую идентичность, как совокупность почвено-белорусских, литвинских и советских корней. Масса населения не слишком подвержена этим попыткам по перекодированию самосознания, но на стороне государства активность и время. Простые белорусы через школу, государственные СМИ, городскую навигацию, официальные культурные мероприятия и прочее постепенно впитывают новые стереотипы сознания. Сопrotивление этому или даже описание этого процесса вызывает негативную реакцию оппозиции и властей, что выражается в различных акциях давления, вплоть до ареста. Если так будет продолжаться, через некоторое время белорусская идентичность может постепенно измениться, стать, например, ближе к польской, так же как антироссийские ориентации – усилиться.

ПРОГНОЗЫ

Они для Белоруссии не слишком радужны. Нежелание начать углубленную интеграцию породило в Белоруссии экономические проблемы, которые очень быстро сказались на социальном положении населения. В перспективе это будет продолжаться. Население продолжит беднеть. Доверие к белорусскому рублю низкое, с 2020 г. оно стало ещё ниже. Обрушение цен на нефть не спасёт белорусскую экономику, т.к. низкие цены не вечны. К тому же бюджет Белоруссии исходит из расчёта среднегодовой цены на нефть в 60 долл. за баррель. Вряд ли Белоруссия самостоятельно сможет справиться с экономическим кризисом. Обнищание населения продолжится, что неизбежно вызовет критику власти в год президентских выборов.

Понимая невозможность сохранить лояльность населения обещанием социальных гарантий, власть сделала ставку на белорусский национализм, объявив высшей ценностью суверенитет, что идеологически блокирует интеграцию. Продолжается деруссификация. Однако население настроено против национализма. Нынешняя ситуация будет усугубляться, власть и оппозиция будут всё более срастаться идеологически, а между ними и населением будет ощущаться всё больший мировоззренческий разрыв.

Это может привести к существенному ухудшению ситуации в стране и росту недоверия населения к власти. Здесь у Белоруссии два пути: или стать второй Украиной, или возобновить интеграцию с Россией. Пока, к сожалению, страна идёт по первому пути. На второй путь она может свернуть если только в элитах возобладает политическая и социальная ответственность.

КОММЕНТАРИИ

По докладу А.Д. Гронского на семинаре состоялась дискуссия

Е.М. Кузьмина: **Нужна доработка при окончательной публикации доклада.** В названии доклада ставится очень важный вопрос – развития и модернизации республики за период ее существования. Сегодня это актуально не только для Белоруссии, но и для России, намеренной развивать и углублять интеграцию с Минском.

Тезисы правомерно разделены на три части – экономическую, интеграционную и идеологическо-цивилизационную. Действительно это три важнейших составляющих развития любого государства, а тем более недавно по историческим меркам обретшего независимость. А. Гронский провел серьезный анализ всех трех составляющих развития независимой Белоруссии. Важным, с моей точки зрения, стал акцент на расхождении взглядов белорусского общества и властей на цивилизационную общность с Россией и глубину взаимодействия с ней.

В целом есть ощущение, что доклад посвящен вопросу белорусско-российских отношений, а не развитию и модернизации Республики Беларусь. Конечно, российско-белорусские отношения составляют большую часть модернизации страны, в первую очередь в экономике и безопасности. Но, все таки речь идет о молодой республике, имеющей множественность задач государствовоительства, перестройки экономического уклада, выстраивания внешних взаимодействий. Может стоит изменить название доклада. Например, «Белорусско-российское взаимодействие (сотрудничество) для развития и модернизации республики» или «Влияние на развитие и модернизацию Белоруссии ее взаимодействия с Российской Федерацией».

С моей точки зрения необходима некоторая доработка при подготовке окончательной публикации.

1. При определении экономических проблем, приведших к серьезным последствиям сокращения белорусского экспорта в РФ и сложностям в расширении ее экспортных возможностей в целом, были не только причины восстановления аналогичных российских производств, но и отсутствие серьезной модернизации промышленности самой Белоруссии. Более того, существующая система административного управления экономикой с сохранившейся практикой дотирования и квотирования заведомо убыточных предприятий без их реальной перестройки и санации привела к ослаблению производственной составляющей национальной экономики и сложностям при развитии импортозамещения.

В стране был сделан значительный акцент на сельское хозяйство, которое всегда нуждается в дотациях, а не на развитие высокотехнологичного машиностроительного сектора, конечно за исключением некоторых отраслей двойного назначения (кстати, исследования и внедрения в этих отраслях входят в инвестиционные программы Союзного государства). Другой важной причиной возникших проблем в экономике стал тот факт, что доходы от экспорта нефтепродуктов из российской нефти в недостаточной степени шли на модернизацию производственной сферы.

Все это привело к осложнению социально-экономической ситуации в стране и оттоку рабочей силы.

2. В разделе, посвященном интеграционным процессам в республике, основной акцент сделан на Союзное государство с Россией. Конечно, упоминается и

Евразийский экономический союз, и взаимодействие с ЕС (без упоминания уровня участия его в программе «Восточное партнерство»). Вообще не упоминается ОДКБ. При этом сложно понять: почему Белоруссия с подачи президента А. Лукашенко, не желающая интегрироваться с Россией (так сказано в докладе), идет на вступление в ЕАЭС, почему она активна в ОДКБ, почему незначительно продвигается в «Восточном партнерстве»? Каковы тогда интеграционные устремления республики? Или их нет вообще?

3. По тексту понятно, что он писался до начала президентской гонки в стране и мировой пандемии. Но именно эти два фактора серьезно повлияли на актуальную политическую и экономическую ситуацию в республике. Дополнение доклада новой информацией лишь подтвердит сделанные автором выводы и прогнозы, с которыми нельзя не согласиться. Возможно, тезисы просто не охватили в полной мере всего замысла доклада.

Е.А. Брагина: Недостаток экономических аспектов. Тема доклада заслуживает внимания, поскольку экономические и социальные процессы на постсоветском пространстве непосредственно затрагивают интересы России. Это в полной мере относится к Белоруссии, не только территориально соседней страны, но и близкой по многим социально-экономическим и политическим параметрам. Вместе с тем постановка проблемы – развитие и модернизация Белоруссии в современных условиях – сформулирована очень широко и требует конкретного анализа и обязательного использования статистических показателей, хотя бы основных.

Собственно, тема, обозначенная в названии представленного на обсуждение текста, далее даже не упоминается. Развитие и модернизация любой страны изначально связаны с существенными качественными и количественными изменениями, оценка которых помогает понять суть происходящих сдвигов, причины их ускорения/замедления и влияния на экономику страны в целом. Позиция автора относительно форм и методов реализации этих сложных, неоднозначных процессов в Белоруссии в тезисах отсутствует.

Развитие и особенно модернизация – формы продвижения страны, одновременно необходимые и трудные, но особенно важные, несмотря на возможные срывы и отступления. Это сложное направление для такой страны как Белоруссия с её ограниченными природными и финансовыми ресурсами. Необходим анализ этапов этих процессов, особенности государственной поддержки, возможности кадрового обеспечения. К сожалению, эти аспекты не рассмотрены. Тогда в чем докладчик видит суть темы, обозначенной как развитие и модернизация Белоруссии?

В общем, необходим обстоятельный и разносторонний анализ. Например, сальдо торговых отношений Белоруссии с Россией в 2013-2019 гг. устойчиво отрицательное для Белоруссии. За счет каких резервов погашался дефицит внешней торговли? Доля России в 2018, 2019 гг. в товарообороте этой страны достигала 49,2%. В 2019 г. в структуре белорусского экспорта появились 28 новых товарных позиций, которых раньше не было. Наверное, надо было назвать некоторые из них. Сальдо торговли услугами с Россией в 2019 г. сложилось положительно для Белоруссии и это тоже заслуживает внимания.

Представляется, что в докладе нет ответа на основные проблемы, которые сегодня существуют в Белоруссии, в том числе в связи с возможностью/необходимостью модернизации. Если автор тезисов придерживается иной точки зрения, её надо было обосновать. Автор уделил больше внимание политическим процессам в Белоруссии, а не развитию и модернизации. Но тогда это важная, но другая тема. В целом представленный материал требует существенной доработки.

А.З. Арабаджян: Достижения и проблемы Белоруссии. Доклад А.Д. Гронского затрагивает совокупность взаимосвязанных тенденций в современной Белоруссии и

вызывает немало размышлений и вопросов для плодотворной дискуссии. В целом подтверждается тезис о том, что среди стран на постсоветском пространстве Белоруссия является значимым примером адаптации к условиям, изменившимся в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг., особенно после подписания в декабре 1991 г. Беловежских соглашений. С одной стороны, бывшая республика унаследовала достижения, советского периода, сумела сохранить немалую их часть, а с другой – она оказалась подвержена комплексу проблем, спровоцированных распадом СССР.

Важным аспектом встраивания в мировую экономику в постбиполярную эпоху, как это отражает и доклад, стало сохранение промышленного потенциала белорусского хозяйства. Неслучайно БССР называли «сборочным цехом СССР». Белорусский транзит, в отличие от многих других бывших республик на постсоветском пространстве, оказался в результате более устойчивым. Сегодня российский гражданин, даже рожденный уже после распада Союза, знаком с успешными примерами белорусского производства – знаменитыми БелАЗами, тракторами «Беларус», холодильниками «Атлант» и т.п. Это отражает и структура белорусского ВВП: в 2017 г. более 40% приходилось на сектор промышленного производства. Но и сельское хозяйство в экономике страны сохраняет достаточно значимое положение – более 8% ВВП. Эти сектора в немалой степени обеспечивают занятость, хотя большая часть рабочих мест приходится на сектор услуг (на 2015 г. более 66%¹), причем эта доля заметно превышает долю третичного сектора в ВВП (чуть более 51% в 2017 г.).

Таким образом, реальный сектор экономики обеспечивает материальные возможности по развитию и модернизации хозяйства, хотя Белоруссия и не использует этот потенциал в должной мере. Согласно анализу, представленному в докладе Института экономики Национальной академии наук Белоруссии по вопросам промышленности, спустя более 20 лет после распада СССР физические объемы промышленного производства в Белоруссии не достигают показателей 1990 г.² Тем не менее, в целом удержание хотя бы части завоеваний советского периода дало возможность не просто стабилизировать социально-экономическое положение населения, но и улучшить его. Это отражает динамика уровня бедности, в частности, доля населения, проживающего за чертой бедности, согласно данным Всемирного банка, сократилась с 41,9% в 2000 г. до 5,7% в 2016³.

То же самое можно сказать и о неравенстве в распределении доходов: индекс Джини в Беларуси за последние годы снижался и является значительно более низким, чем, например, в соседней России. В целом с 1998 по 2017 г. он сократился с 32 до 25,4⁴, тогда как в РФ на 2017 г. показатель равнялся 37,2⁵. Это говорит о способности руководства страны обеспечить более справедливое распределение доходов и избежать скатывания к чрезмерной концентрации собственности в руках узкой группы крупных предпринимателей-олигархов.

В результате Белоруссия в 2018 г. оказалась государством с весьма благоприятными условиями жизни и вошла в группу стран с очень высоким индексом

¹ Статистика в данном абзаце дана по базе данных ЦРУ. The World Factbook. Belarus. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bo.html> (дата обращения: 28.06.2020)

² Тенденции и перспективы развития промышленного комплекса Республики Беларусь. Научно-аналитический доклад. Национальная академия наук Беларуси. С. 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://economics.basnet.by/files/Tendencii.pdf> (дата обращения: 29.06.2020)

³ Poverty reduction in Belarus. World bank. 17.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2017/10/17/poverty-reduction-in-belarus> (дата обращения: 28.06.2020)

⁴ Gini index (World Bank estimate) – Belarus. World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2017&locations=BY&start=1994&view=chart> (дата обращения: 28.06.2020)

⁵ Gini index (World Bank estimate) – Russian Federation. World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2017&locations=RU&start=1994&view=chart>

человеческого развития (0,817, что позволило стране занять 50 место в общем списке по данному показателю).

Тем не менее, относительная стабильность не снимает проблем, подчеркнутых в докладе А.Д. Гронского и связанных с взаимоотношениями Белоруссии и России. Зависимость от поставок энергоносителей стала ключевым вызовом, возникшим в связи с распадом СССР. Цены на углеводороды, которые, влияют на производственные возможности Белоруссии, могут стать инструментом экономического давления. К тому же РФ – ключевой торговый партнер Белоруссии: в 2017 г. на нее пришлось более 57% импорта и почти 44% экспорта⁶.

Именно это противоречивая ситуация и сказывается на волатильности позиции президента Белоруссии А. Лукашенко по отношению к России. С одной стороны, лояльность населения к РФ, восприятие ее в качестве союзника или братской страны (вспомним хотя бы заявления Лукашенко в день парада Победы 24 июня 2020 г. о том, что приезд в Москву – это приезд в столицу Родины) и в целом связи с Россией подталкивают белорусское руководство к интенсификации сотрудничества. С другой стороны, такая ситуация обнажает чрезмерный характер зависимости, и, если рассматривать данный аспект через призму интеграционных процессов, это делает шатким положение Лукашенко как политического лидера. В докладе эта проблема проанализирована очень детально, вскрыты противоречия, возникающие в связи с ней.

На мой взгляд, этот вопрос заслуживает дальнейшей проработки. Из доклада следует, что опасения Лукашенко утратить лидерство в связи с интеграцией окрашивают его позицию в «красно-зеленые» цвета и заставляют проводить политику «беларусификации», которая не приветствуется большинством населения. И это понятно, ибо, как явствует из доклада, большинство белорусов осознает важность отношений с РФ и роли России как и с культурно-исторической, так и с экономической точек зрения.

Более того, в условиях не слишком продуманной политики по борьбе с пандемией коронавирусной инфекции в первой половине 2020 г. обнаруживается, что действующий президент утрачивает популярность. Логично предположить, что противоречия сложившейся ситуации проявятся и в ходе выборов в августе 2020 г. Лукашенко уже делал заявления касательно того, что Россия занимает неблагоприятную для него позицию в контексте предстоящих выборов. Кроме того, мы становимся свидетелями политики преследования оппозиционных сил в Белоруссии, а один из потенциально наиболее сильных конкурентов Лукашенко, банкир В. Бабарико, связанный с Россией хотя бы по причине того, что долгое время руководил Белгазпромбанком (дочерняя структура Газпромбанка в Белоруссии), в июне 2020 г. подвергся судебному преследованию и попал под арест.

Складывающаяся политическая обстановка представляется достаточно напряженной и свидетельствует не в пользу действующего президента. Тем не менее, он побеждал на выборах уже неоднократно. Стоит напомнить, что он возглавляет страну с 1994 г., а в 2020 г. завершается его пятый срок. При этом в стране, по всей видимости, есть достаточно широкая социальная база, на которую он опирается, а как таковой консолидированной оппозиции или крупных и пользующихся популярностью политических партий, которые в течение всего постсоветского периода представляли бы из себя реального субъекта политики, так и не сложилось.

В связи с этим хотелось бы поставить вопрос: насколько нестабильной является актуальная позиция А. Лукашенко? Если следовать логике доклада, то заключение будет склоняться к тому, что политика Лукашенко по беларусификации и неспособность преодолеть зависимость от российских углеводородов значительно подрывают его

⁶ The World Factbook. Belarus. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bo.html> (дата обращения: 28.06.2020)

положение и перспективы на августовских выборах. Однако действительно ли те социальные группы, на которые А. Лукашенко все это время опирался и уровень жизни которых в целом вырос за периоды его президентских сроков, готовы проголосовать за другого связанного с Россией или какой-нибудь иностранной державой крупного предпринимателя? Готов ли он предложить стратегию независимого развития и одновременно дружеских отношений с Россией?

В этом смысле доклад А.Д. Гронского наводит на размышления о проблемах конъюнктуры в области конкретных событий текущего политического цикла. Есть ли рецепт преодоления зависимости от энергоносителей и от торговли с Россией в целом? Насколько можно говорить о возможностях диверсификации производства и рынков сбыта? За счет каких средств и какими методами можно достичь этих целей? На мой взгляд, именно тот кандидат, который даст своевременный и реализуемый ответ на эти вопросы, мог бы стать реальной альтернативой Лукашенко. Но есть ли в Белоруссии такой кандидат, способный выступать в качестве самостоятельного политического субъекта?

А.И. Суздальцев: Тупик иждивенческого курса. В преддверии голосования на белорусских президентских выборах 2020 г. тема представленного доклада отражает высокую степень актуальности всенародного подведения итогов пяти президентских сроков президента Белоруссии Александра Лукашенко. За время нахождения у власти А. Лукашенко проблемы модернизации и развития Белоруссии постоянно оказывались в фокусе внимания белорусского политического класса, а также соседей республики.

Автор доклада, раскрывая «тайну» сохранения в 1990-х годов основных производственных активов Беларуси, справедливо подчеркивает решающую роль российской поддержки белорусской экономики дешевыми энергоносителями и доступом к российскому рынку. Создалась во многом иждивенческая национальная экономическая модель, что в итоге привело к блокированию дальнейшей модернизации белорусской экономической системы. Белорусское руководство, проходя в отношениях с РФ от кризиса к кризису, всегда настойчиво добивалось поддержания взаимоотношений с Москвой в рамках столь выгодной для него модели.

Говоря о шансе, который получили белорусские промышленность и сельское хозяйство после 2014 года, стоило все-таки отметить, что Минск объективно не мог присоединиться к российской программе импортозамещения по причине старения производственных фондов и дефицита современных технологий. Переход к контрабанде как наиболее легкой форме получения прибыли на международных санкциях был логичным.

Докладчик обоснованно отмечает интеграционный формат предвыборных обещаний А. Лукашенко. Но стоило бы напомнить, что предложение белорусского президента об интеграции с РФ в середине 1990-х годов оказалось существенной поддержкой Москве. Россия в тот период переживала тяжелый кризис федеративных отношений, стояла проблема обеспечения территориальной целостности РФ. А. Лукашенко в данный момент фактически протянул Москве руку помощи.

А.Д. Гронский только коснулся проблемы формирования и эволюции политики России по отношению к современной Белоруссии и режиму А. Лукашенко, что видимо выходит из рамок исследования. Но стоило бы напомнить, что данная тема является одной из самых острых и дискуссионных в белорусской проблематике.

В докладе показано, что нынешний курс А. Лукашенко завел республику в тупик. Сценарии, включенные в доклад, носят в основном негативный характер и обещают населению республики сложные социально-экономические проблемы, политические расколы в политическом классе и переоценку отношений с соседями.

Д.В. Болкунец: Белоруссия на распутье. Созданная во время СССР на территории Белоруссии крупная энергозатратная промышленность превратила республику в развитый индустриальный регион. Основой белорусской экономики является крупная экспортная промышленность, существующая за счет импорта сырья и полуфабрикатов. Это впоследствии предопределило роль Белоруссии в качестве промежуточного звена между страной с сырьевой экономикой — Россией — и странами, производящими продукцию с высокой добавленной стоимостью, — Евросоюзом.

В мае 1995 года в республике состоялся референдум, на котором 83% избирателей поддержали экономическую интеграцию с Россией. Вопрос о политической интеграции России и Белоруссии никогда на референдум не выносился. Главным достижением интеграции России и Белоруссии стало создание равных прав для граждан обеих стран на социальное обеспечение, участие в хозяйственной деятельности, получение образования, трудоустройство, оплату труда, предоставление медицинской помощи, развитие сотрудничества в сфере культуры, спорта и туризма. Экономика Республики Беларусь весь период своего независимого существования формировалась на основе дотационных условий поставки энергоносителей из Российской Федерации. Белоруссия извлекает максимальную выгоду от Союзного государства и Евразийского экономического союза, требуя от Москвы особых условий по энергоресурсам, кредитам и доступ к рынку сбыта продукции. Белорусским производителям удалось закрепиться на российском рынке некоторых продовольственных товаров (по молочной и мясной продукции и овощам), в том числе за счет продовольственного эмбарго. Структура белорусского промышленного и сельскохозяйственного производства в значительной степени зависит от российского сырья и рынка сбыта. В Россию идет 90-95% белорусского экспорта молочной продукции, около 75% машин и оборудования, 60-70% транспортных средств.

Ресурсная поддержка белорусской экономики со стороны России на протяжении двух десятилетий позволяла поддерживать сравнительно высокий жизненный уровень населения. Но в последние годы субсидирование белорусской экономики сокращается, а сверхвысокая ориентированность на один рынок подрывает основы политической стабильности. Чрезвычайная зависимость белорусского бюджета от условий поставки энергоносителей является одной из главных причин межгосударственных разногласий.

Конечно, участие в Евразийском экономическом союзе вносит важный вклад в хозяйственное развитие его членов, в том числе Белоруссии. Не имея собственных энергоресурсов, Белоруссия добилась значительных успехов в повышении энергоэффективности национальной экономики, нефтепереработке, и ее опыт может быть востребован в России.

Вместе с тем с 2014 года наблюдается нарастание политических разногласий по многим внешнеполитическим вопросам. Белоруссия пытается проводить собственную многовекторную внешнюю политику, которая вступает в противоречие с союзными принципами. Внешнеполитический курс республики в условиях противостояния между Россией и Западом подвергся серьезной коррекции. В последние несколько лет в медиапространстве республики доминирует националистический, прозападный и одновременно антироссийский контент на фоне формальной, но с многочисленными оговорками, поддержки государственными СМИ интеграции с Россией. Продвигается общее недовольство размерами финансово-ресурсной поддержки со стороны России.

Происходящие в белорусском обществе тектонические сдвиги вызваны застоем и стремлением к обновлению. Социально-экономическая стабильность Белоруссии напрямую связана с возможностями, открывающимися перед республикой на общем рынке Евразийского экономического союза, что, однако, не стимулирует белорусское руководство к выполнению ранее заключенных интеграционных соглашений. Политика имитации интеграции, которую проводит белорусское руководство, связана с желанием Минска, с одной стороны, сохранить и увеличить экономические преимущества от формального участия в евразийском интеграционном проекте, а с другой стороны —

одновременно минимизировать обязательства в рамках ЕАЭС. Имеющееся в белорусском руководстве недовольство условиями участия в ЕАЭС отражает накопившиеся в белорусской экономике серьезные проблемы, которые невозможно решить за счет партнеров по евразийской интеграции, а также отражает различия в экономических системах двух стран. Отсюда неготовность Белоруссии к полноценной интеграции в рамках евразийского проекта, включая свободу перемещения товаров, услуг, труда и капитала. В общем, бывшая советская республика находится на распутье.

Н.А. Карагодин: Развилка для Белоруссии. Предлагаю в связи с обсуждаемым докладом некоторые соображения о раскладе социально-политических сил в Беларуси и ее перспективах.

Представляется, что у белорусской экономики есть высокая объективная потребность в российском рынке, российских поставках энергоносителей по умеренным ценам и относительно стабильной российской валюте. Только ориентация на Восток могла бы поддержать не слишком эффективные отрасли местной обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства и обеспечить сохранение занятости и нынешнего уровня жизни. Открытие экономики в сторону ЕЭС без сомнения привело бы к вымыванию большей части производств республики с соответствующими социальными последствиями. (Что наглядно демонстрирует опыт Украины, Болгарии, Прибалтики и других). Часть населения, связанная с традиционными отраслями, объективно заинтересована в интеграции с Россией и является основным носителем пророссийских настроений. В пользу таких настроений работает и возрастной фактор. России в большей мере симпатизируют люди старшего поколения, воспитанные в советских ценностях и менее восприимчивые к новому.

Однако ценой более тесной интеграции с Россией неизбежно стали бы потеря экономического, а за ним и политического суверенитета страны, что неприемлемо для Лукашенко и его ставленников, теряющих в этом случае абсолютную власть. Подчинение национальной политической судьбы не самой привлекательной судьбе российской не устраивает и определенную часть населения, прежде всего молодого, питающего надежды на демократические изменения. В силу названных причин устойчивый радикальный поворот к России вряд ли состоится.

В долгосрочной перспективе более вероятен, на наш взгляд, поворот в сторону Запада. За него выступает прежде всего активная и образованная молодежь, занятая в основном в городской сфере услуг и высокотехнологичных отраслях. Этот слой населения объективно лучше приспособлен к рынку, хорошо информирован о жизни на Западе и высоко ставит ценности свободы и верховенства права. Радикальная смена политической системы дала бы молодежи возможность свободного трудоустройства в Европе, участия в политической жизни, реализации антикоррупционной повестки и т. д. Западный вектор поддерживается и националистически настроенной частью оппозиции. Представляется, что давление со стороны этих сил в ближайшие годы будет нарастать. Не могущий всерьез опереться на Россию Лукашенко не сможет им противостоять и рано или поздно будет смещен.

В случае крушения режима Лукашенко есть вероятность повторения в каких-то регионах Беларуси донбасского сценария.

Впрочем, все же остается определенный шанс, что припертый демократами и Западом к стенке нынешний президент умиротворит гонимых и согласится на сдачу большей части экономического и политического суверенитета в обмен на российскую помощь. Тогда белорусский майдан будет отсрочен до момента ослабления нынешнего политического режима России.

Что же касается национально-культурной ориентации народа, она будет определена победившей политической силой. В случае ухода страны на Запад пропагандистская машина рано или поздно выкует из бывших русофилов самостоятельную

белорусскую нацию с древними демократическими традициями, имеющую мало общего с восточным соседом.

О.Б.Неменский: Проблемы и перспективы современной Белоруссии. На сегодня Беларусь представляет собой довольно успешное и, несомненно, состоявшееся государство. Однако оно подошло к кризисной черте, и в недалёком будущем весьма вероятен слом всей его нынешней системы.

За годы своего правления Александр Лукашенко создал жёстко централизованное, хорошо управляемое государство, которое можно описать как государственный капитализм с авторитарным режимом и значительными социальными гарантиями. Ещё в 1990-е Белоруссия смогла избежать программ приватизации, которые так сильно изменили облик России и ряда других постсоветских республик, сумев сохранить тем самым общество среднего класса. Это государство-корпорация с очень цельным населением, в котором мало конфликтогенных различий.

Но главный успех Белоруссии при Лукашенко – это возврат к советской модели отношений с Россией, то есть к системе спонсирования ею развития страны и её социального благополучия. При этом Белоруссия смогла сохранить свой суверенитет. В результате её экономика более чем в два раза превзошла уровень на время распада СССР. Это ярко контрастирует с балансирующей на 70 % от своего прежнего уровня Украиной.

Однако эта весьма успешная система всё же не очень устойчива, и для этого имеется ряд серьёзных причин. В первую очередь, она слишком зависима от политики России, и если в Москве принимается решение изменить отношения с Белоруссией, то она оказывается на грани своего существования. Во-вторых, особенности этого режима не способствуют налаживанию хороших контактов с Европой и в целом с Западом – здесь могут быть позитивные перемены, но они очень ограничены, и любые попытки хотя бы нормализации отношений через некоторое время неизбежно срываются.

Основная проблема Белоруссии в том, что ей свойственно сильнейшее расхождение между формой государственности и реальными качествами гражданского общества. Любое национальное государство имеет дело с особым народом, разговаривающим на своём национальном языке и имеющим очевидные отличия от соседей. Однако население Белоруссии ничем не отличается от большинства россиян – если смотреть на него этнографически, то это часть того же самого народа, даже поговору своих городских жителей ничем от общей массы русских в России не отличающаяся. Эта культурная общность с русскоязычным пространством всей России, а также части приграничных районов Украины и Латвии, порождает сложную задачу постоянно отстаивать необходимость своего существования, как-то обосновывать её своим же гражданам. Перспектива же возвращения в состав единого государства остаётся неизменным источником страха элит потерять своё положение.

Белорусы очень ценят свою государственность за то, что у них не было российских 90-х с их криминальной революцией и разгулом сверхбогатых нуворишей, что их ребятам не приходилось участвовать в различных военных кампаниях, и что они защищены от риска быть втянутыми в новые военные противостояния в связи с радикальным ухудшением отношений России и Запада. И всё же, как свидетельствуют соцопросы, идея воссоединения для белорусов очень привлекательна, а в таком случае вся система белорусской государственности рискует оказаться излишней для собственных же граждан.

Есть такое польское понятие как «гасја стану». У нас, за неимением аналога, его обычно переводят как «национальный интерес», что, конечно, неверно, так как тождественно другому также используемому в польском языке выражению. Точнее его можно переводить как «логика государственного положения», так как оно применяется именно в отношении к государству. Так вот сама логика государственного положения Белоруссии определяет необходимость проведения дерусификаторских программ, отдаляющих её население от остального русского мира и формирующих из него особую

нацию. Однако отсутствие для этого минимально необходимых оснований делает эти программы довольно безуспешными и нелюбимыми населением, что придаёт конфликтный характер всей системе отношений государства и общества. Можно сказать, что в этом случае логика положения государства принципиально расходится с интересами национального сообщества.

Ярким свидетельством проблем Белоруссии с позиционированием своей системы в международных отношениях является принципиальная неадекватность основных принятых в ней идеологических положений. Например, официальной целью белорусской внешней политики заявлен статус нейтрального государства – так написано в Конституции, и эта статья никогда не становилась объектом для критики со стороны президента. Наоборот, о нейтралитете любят порассуждать крупные чиновники, а участие Белоруссии в процессе международных переговоров по урегулированию конфликта в Донбассе полностью основано на декларированном нейтралитете Минска. Однако формально страна входит в ОДКБ, то есть является военным союзником России и других членов этой организации. Да, белорусские военные власти не раз заявляли, что на самом деле белорусы никогда не будут принимать участие в операциях не на территории республики, однако это напрямую противоречит официально принятым обязательствам. Кроме того, существует форма Союзного государства с Россией. Хотя его существование само по себе спорно, однако оно даже на декларативном уровне входит вразрез с официальными целями внешней политики Белоруссии.

Не менее оторванной от реальности является и идеология «интеграции интеграций», которая была сформулирована в статье Лукашенко в 2011 году. Это по виду была удачная находка – её формулировки быстро приобрели большую популярность даже в оппозиционном сообществе. Декларация открытости ко всем интеграционным проектам на востоке и на западе с идеей создания из Белоруссии связующего звена двух больших интеграционных зон и приобретения тем самым огромного геополитического значения стала чуть ли не всеобщей мечтой, формулировкой идеального будущего, в котором можно будет одновременно состоять и в Евросоюзе, и в Союзном государстве с Россией. Эта идеология смогла объединить прежде расколотые на прозападные и провосточные интеллектуальные и политические элиты страны. Однако она совершенно бесперспективна на практике, и реальность развивается в совсем иную сторону. Как раз к 2011 году стало уже совершенно ясно, что прежние планы РФ по интеграции с Западом несостоятельны, и её соседям надо выбирать только одно направление интеграционных усилий. И всё же эта идеология пока что успешно держится внутри страны.

Неустойчивость социально-политической системы постсоветской Белоруссии также заметна и по эволюции политики её лидера, являющегося, по сути, её основным создателем и стабилизирующей всю её конструкцию фигурой. Некоторые наблюдатели готовы говорить о «трёх Лукашенко». Первый был ориентирован на сохранение советского наследия в том числе и в области идеологии, при этом декларировал русофильские и даже общерусские взгляды (признавая белорусов тоже русскими), был всерьёз ориентирован на проекты по постсоветской реинтеграции. Второй Лукашенко – с середины нулевых и по 2013 год – отходил от этих взглядов в пользу поиска новой модели межгосударственных отношений с Россией и международного позиционирования, новой национальной идеологии и защиты белорусского суверенитета. Наконец, политика Лукашенко после украинских событий 2014 года была обусловлена испугом от очень позитивной реакции белорусского общества на воссоединение Крыма с Россией – тогда декларация пророссийских взглядов по соцопросам подскочила сразу в два раза, с трети до двух третей белорусов. Тогда для белорусского лидера на первый план вышли задачи строительства нации как сообщества, независимого от России во всех аспектах, в том числе и по своей социокультурной идентичности.

Такая эволюция действительно имела место. Однако, на мой взгляд, все «три Лукашенко» друг с другом неплохо совмещаются. При анализе идеологических сторон речей президента возникает ощущение полной путаницы, смешения заявлений и призывов прямо противоположного характера. Однако за этим стоит вполне продуманная игра различными сторонами своего имиджа, благодаря чему даже Лукашенко-1 можно иногда услышать и сейчас.

Но несомненно, что в настоящее время Минск гораздо более пристальное внимание уделяет вопросам управления общественным сознанием, проводит политику по созданию новой национальной идентичности, максимально оторванной от российской. Развивается новая государственная версия национализма, пытающаяся совместить старую советскую традицию с наработками радикальных националистов – «литвинов». Так, например, произошла эволюция в трактовке Второй мировой войны – от «победы единого советского народа» к «победе белорусского народа с союзниками, в первую очередь с братским русским народом», а потом и к утверждению, что «это была не наша война». Причём новые наработки иногда вбрасываются в общество, а потом, по мере анализа его реакции, отвергаются, однако их направленность всегда одна, и в этом плане тождественна происходящему на Украине.

Все эти идеологические поиски оказываются в прямом противоречии с форматом Союзного государства и с любыми перспективами его дальнейшего развития. Однако надо заметить, что этот проект уже в 1999 году, во время своего подписания, был нереализуем – слишком многое произошло в двух государствах с 1996 года, когда он создавался. Все прошедшие с тех пор 20 лет стали убедительной иллюстрацией к этому утверждению. Утопичность проекта была не в самой идее объединения, а в том пути, который был в нём прописан. В двух государствах к концу 1990-х уже сложились кардинально различные системы, и одну из них для его реализации нужно было ломать. Сомневаюсь, что кто-то тогда всерьёз на это рассчитывал – договор подписывался исходя из чисто конъюнктурных политических соображений.

Однако я был одним из тех, кто активно отстаивал сохранение формата Союзного государства, когда обсуждалась идея его упразднения ради якобы более эффективной формы ЕАЭС. Это не значит, что он хорош по своим условиям, но нам очень важно было сохранить интеграционную форму не только на основе евразийского принципа, но и, можно сказать, общерусского. Нельзя ставить в один ряд отношения с Белоруссией и, скажем, с Киргизией — с белорусами мы один народ, а значит и интеграционные формы должны это учитывать. Но для обновления проекта его условия надо подвергнуть серьёзному пересмотру, что политически сейчас вряд ли достижимо. Собственно, поэтому Россия в декабре 2018 года ограничилась лишь требованием реализации ряда экономических пунктов, не касаясь всего остального.

Есть большие проблемы в различиях восприятия Союзного государства с двух сторон. Нынешняя позиция белорусских элит состоит в том, что оно должно быть построено ровно настолько, насколько это нужно для Белоруссии, что всё нужное от этого проекта страна уже получила, а остальное можно реализовывать и в рамках ЕАЭС. Белорусскую сторону полностью устраивала та система отношений, которая у нас была, и она до сих пор не хочет смириться с той реальностью, что Москва эту модель решила поломать. Россия же всерьёз приняла решение продвинуться дальше по интеграционным планам 1999 года. При этом Союзного государства, конечно, до сих пор не существует, это по-прежнему только проект, под шапкой которого реализован ряд ценных инициатив. Однако, его высшие государственные органы так и не заработали.

Надо чётко понимать, что Лукашенко создал модель социально-экономической и политической системы, принципиально не интегрируемую с Россией. Кроме того, уровень жизни в Белоруссии сейчас немного выше, особенно если сравнивать приграничные области, а социальная стабильность прочнее. За постсоветские годы в стране сложились довольно крепкие элиты. Да, многие совсем не прочь конвертировать

власть в собственность и сильно изменить социально-экономический облик своей страны, но и им крупный российский капитал для этого не нужен, да и вектор интеграции может быть выбран другой. Между тем, они способны эффективно отстаивать свои интересы, и для того, чтобы они пошли на очень опасные для себя шаги, их нужно действительно сильно в этом заинтересовать. Пока что до этого ещё очень далеко. Толком не сформулирован даже комплекс конкретных идей, как это можно сделать. В Белоруссии велик страх перед крупным российским капиталом, что стало источником для многочисленных конфликтов с Кремлём. Это в первую очередь страх перед российскими госкорпорациями, и со временем он не уменьшается, а только растёт.

В России нередко можно встретиться с упрощённым взглядом на процессы интеграции, который сводит их проблемы либо к личным амбициям руководителей, либо к жадности крупных компаний или чему-то подобному. Мол, надо, чтобы главы двух государств наконец-то приняли кардинальное решение и запустили процесс объединения. Однако нужно понимать, что задача по интеграции двух очень разных государственно-политических и социально-экономических систем несёт с собой огромный ворох проблем почти во всех отраслях жизни. А если учесть, что это объединение систем не просто очень разных, но и несопоставимых по своей величине, то проблем ещё больше. Ведь оно может состояться только за счёт фактического разрушения одной из них – её изменения до неузнаваемости по образцу «старшего брата». Для этого всем в Белоруссии придётся начать жить иначе.

Выдвижение Россией интеграционного «ультиматума Медведева» в декабре 2018 года стало шоком для Белоруссии. В Минске довольно долго не хотели воспринимать его всерьёз. Россия решила разрушить всю прежнюю модель отношений наших государств, то есть отказаться от предоставления Белоруссии экономических дотаций в обмен на отказ от интеграции с Западом. До сих пор ясной стратегии ответа на этот шаг Москвы в Минске нет. Однако и неизбежный провал подписания нового интеграционного соглашения в декабре 2019 года тоже ничего не изменил, так как оно всё равно не было бы выполнено, за исключением лишь некоторой части перед президентскими выборами 2020 г.

В этой ситуации особенно заметной становится слабость российских позиций в Белоруссии. Там нет ни одной пророссийской партии в элите, нет пророссийских лидеров и пророссийских общественных организаций. Власть зачистила это поле, а Россия на нём и не пытается работать. Даже информационное присутствие России очень сильно ограничено, и она ничего не может с этим поделать.

Возникает вопрос: а какова вообще стратегия России, есть ли у неё вообще какая-то новая модель взаимоотношений двух государств? Даже полное выполнение условий «интеграционного ультиматума» было бы лишь некоторой корректировкой системы в пользу Москвы и то только в экономической сфере. Прежняя модель вечно буксующих интеграционных процессов сохраняла своё значение с конца нулевых, когда Россия пыталась восстановить свой статус региональной державы. Однако события 2014 года на Украине эту стратегию подорвали. Между тем, России удалось фактически вернуть себе статус мировой державы. Рухнули старые стереотипы международной политики и оказалось, что в наше время для мирового статуса совсем не обязательно обладать ещё и региональным. Ещё не так давно такое трудно было себе представить, но теперь пространственный принцип приложения силы претерпел существенные изменения. Даже в США и Польше вдруг открыли, что формула Бжезинского «без Украины Россия – не империя» не работает, а значит под вопрос ставится вся стратегия Запада на постсоветском пространстве, и особенно – в отношении Украины и Белоруссии.

Все эти выводы работают напрямую против Минска. Интерес Москвы к нему радикально снизился. Да и на Западе на него уже не смотрят как на последний залог «русского величия». Несмотря на постоянно повторяемый в белорусском информационном пространстве тезис, что Москва, выдвинув в декабре 2018 года свои

требования, пытается принудить Белоруссию к интеграции, проблема Минска как раз в обратном. Судя по всему, Москва оставила Минску полную свободу в принятии судьбоносных решений. Её ультиматум носит негативистский характер – для неё принципиально именно поломать старую систему, а характер новой может обсуждаться. И это для всей прежней линии белорусской политики в отношении России оказалось настоящей катастрофой. Россия, которая не заинтересована в своём региональном статусе, – это для Минска что-то новое. На этом фоне даже старые козыри прозападной партии заметно потускнели. Все региональные проекты России сейчас находятся в подвешенном состоянии, но ждать, когда она с ними определится, Минск тоже не может.

Кризис интеграционных отношений между двумя государствами ярко высвечивает проблему постепенного расхождения прежде единого гуманитарного пространства России и Белоруссии. Если Запад много лет активно и достаточно эффективно работает с белорусской общественностью, то Россия в этом плане не проявляла никаких особых усилий. Даже в общих интеграционных форматах отсутствует какая-либо гуманитарная составляющая.

Белорусская история хорошо свидетельствует, что если есть задача войти в интеграционную общность с другой страной, нужно вначале вырастить там элиты, которые были бы в этом кровно заинтересованы. Которые мыслили бы теми же категориями, имели бы те же ценности и ту же идентичность, сами воспроизводили бы в своей деятельности ту же систему и мечтали бы убрать барьеры между двумя странами. Так, Люблинская уния 1569 года стала прямым следствием условий Кревской унии 1385 года, в результате которой произошло правовое и религиозно-культурное переформатирование элит Великого княжества Литовского. То есть это долгий и очень трудоёмкий процесс, к которому Москва пока что даже не подступала.

В результате можно сказать, что Россия теряет Белоруссию ровно по той же технологии, что и Украину. Это и отсутствие работы с обществом, с различными элитами — интеллектуальными, деловыми, с молодёжным авангардом и т.д. И отказ от пересмотра советской модели поддержки белорусского национализма в рамках «дружбы славянских народов», страх признать собственную русскую идентичность и основанные на ней национальные интересы. Просто политическая пассивность с её лозунгами — «никуда они от нас не денутся!» и «пусть переболеют!».

С белорусским обществом с 90-х годов активно работают сотни западных структур. У них есть идеологии, есть привлекательные ценности, им есть что предложить людям для карьеры и самореализации. А России на этом поле почти совсем нет. Молодые белорусы хорошо знают Европу, но очень смутно представляют себе Россию. Выросло уже не одно поколение людей, для которых Россия — это что-то из советской эпохи, что-то принципиально вчерашнее. Это задаёт тон общественных настроений, с которыми власть должна считаться. Лукашенко 90-х годов и он же современного образца – это не просто сильно изменившийся политик, это лидер сильно изменившегося общества. И чтобы сохранять своё положение, он должен не только оказывать влияние на это общество, но и сам должен к нему прислушиваться.

Со своей стороны это же делает и оппозиция. Президентские выборы 2020 года довольно своеобразны тем, что впервые против Лукашенко были выдвинуты в качестве кандидатов не радикальные националисты литвинского толка, а политики, в общем-то идеологически ничем принципиально от самого Лукашенко не отличающиеся, кроме обещаний демократизации политической системы. Одни из них более пророссийские, другие более прозападные, но радикального разворота всей белорусской политики они не обещают. И это оказалось для системы гораздо опаснее, чем прежний формат противостояния с безнадёжно маргинальными деятелями.

Однако не приходится сомневаться, что в случае смены власти в Белоруссии произойдёт существенное улучшение отношений с Западом, что напрямую скажется и на отношениях Минска с Москвой. Если Лукашенко самой своей личностью был гарантом

того, что при нём радикальный разворот на Запад невозможен, то любая модель смены власти эту ситуацию изменит, а своего пророссийского кандидата у России всё равно нет. В будущем разворот неизбежен, он будет наверняка, потому что нет никаких заметных групп в элите, которые не хотели бы этого разворота и которые были бы достаточно сильны, чтобы этого не допустить.

Украинский сценарий дальнейшего развития Белоруссии вполне возможен – правда, без распада, так как это очень территориально стабильное и цельное государство. Однако за разворотом на Запад последуют все те же самые последствия. Во-первых, неизбежно будет запущен процесс деиндустриализации, что для такого «индустриального острова» как Белоруссия обернётся всесторонней катастрофой. В связи с этим начнётся активная депопуляция с огромными миграционными потоками на восток и на запад. В результате, если судить по опыту Латвии или Болгарии, в стране останется около 5–6 млн человек. Параллельно с этим будет происходить культурная архаизация общества с насаждением идеологий ненависти, в т.ч. различных форм русофобии.

При этом надо отметить, что в целом Белоруссия имеет больше шансов на успешную интеграцию с Западом, чем Украина, ведь в отличие от Украины у неё нет кланово-олигархической системы, её социально-экономическая структура гораздо ближе западной. Однако перспективы такой интеграции всё равно небольшие, так как закрывается интеграционное окно возможностей самого Евросоюза, который вошёл в тяжёлый и, судя по всему, долговременный кризис. В целом это сценарий катастрофы, которая станет большим ударом и для России, так как сохранение развитой и стабильной Белоруссии объективно является её государственным интересом.

Предотвращение такого сценария возможно только в случае начала реализации Россией нового интеграционного проекта, предполагающего качественную трансформацию всей системы связей с Белоруссией на разных уровнях, а также предоставление ей привлекательных условий не в старой логике «дотирования за лояльность», а в совместном экономическом развитии за счёт роста внутреннего рынка и благосостояния. России надо стать привлекательной для белорусского общества, а для этого необходимо найти решение проблем низкой эффективности российской экономической системы и малой привлекательности уровня жизни россиян. России нужно сформулировать предложение, которое было бы действительно привлекательно для белорусских элит. Интеграционный ультиматум декабря 2019 года таковым, как теперь ясно со всей очевидностью, не оказался. Между тем, только радикальные изменения в российской политике могут сохранить особые отношения между двумя странами, а значит и белорусскую социально-экономическую систему. К сожалению, этот сценарий наименее вероятен.

Белоруссия и Россия вошли в ситуацию большой стратегической неопределённости в двусторонних отношениях, и эта неопределённость конвертируется в подвешенное состояние всей Белоруссии – её и внутреннего, и международного положения.

Е.Б. Рашковский: Республика Беларусь – культурно-исторический контекст. Начну со слов признательности. Исследование А.Д. Гронского исподволь вводит читателя в сложную и, в общем-то, слабо разработанную проблематику текущей внутренней истории Республики Беларусь. И в этом – существенная заслуга доклада.

Моя же задача – не рецензирование (т. е. не дозированная подача восхвалений и критических замечаний), но существенно иная. Я определил бы эту задачу банальным в нынешней культурологии принципом «введения в контекст». В тот непреложный культурно-исторический контекст, без которого едва ли возможно понимание текущих, животрепещущих проблем. Естественно, жестко-детерминистское обоснование этих

проблем через «контекст» едва ли плодотворно. Однако, на мой взгляд, этот принцип заставляет задуматься о глубинных предпосылках проблематики сегодняшнего дня.

Обычно наша (да отчасти и мировая) литература рассматривает проблематику «развития и модернизации» через призму бинарного соотношения: «политика – экономика». Живую же, человеческую сторону вопроса – область цивилизационно-культурных отношений – принято, повинувшись старым «научным» стереотипам, списывать по остаточному принципу на «надстройку». Вот этими самыми «остаточными» сюжетами мне и хотелось бы заняться. Заняться, заменив былую бинарную трактовку проблем развития и модернизации (политика – экономика) трактовкой тернарной (политика – экономика – культура)⁷. И тем самым поставить исследуемый докладчиком сюжет в некоторый контекст современных не только что европейских, но и глобальных исследований.

Истории этносов, наций, цивилизаций, религий, государств, государственных границ, межгосударственных блоков – не константны. Международные договоры и внутренние правовые нормативы государств закономерно пытаются упорядочить эту динамику и плазменность истории, придать истории некую оформленность ее структуры и содержания. Таков один из важнейших конституирующих и осознанных моментов самой структуры истории. Однако моменты непрерывного и спонтанного внутреннего переоформления, перекроек и перестроек культуры и истории всё же не перечеркиваются факторами осознанной и волевой деятельности людей. Факторами, отвечающими за преемственность институтов, мысли и культуры. Накатам же стихийных сил истории обычно предшествуют отчуждение, дряхление, склеротизация устоявшихся понятий и институтов, утрата ими в глазах общества былой легитимности, накопление внутренних противоречий. История земли Белорусской и ее народов служит подтверждению этого круга обстоятельств.

Белорусский народ принадлежит к семье народов Центральной и Восточной Европы. Топонимы исторических пространств его обитания, называвшиеся Белая Русь (земли к западу от верховий Днепра) и Черная Русь (населенные славянами земли Западного Полесья и Неманского бассейна)⁸, зафиксированы в источниках XIV и XV вв.

Пространства и судьбы народов Центральной и Восточной Европы исторически оказывались заложниками в процессах непрерывной и кровопролитной борьбы старых сухопутных империй: Византии, Священной Римской империи / империи Габсбургов, империи Чингисидов, Речи Посполитой, Пруссии / Германии, Османской империи, Швеции, Московской Руси / имперской России, наполеоновской Франции. Межимперское соперничество знаменовало собой и соперничество религий, церквей и культур. А с позапрошлого столетия в систему центрально-восточноевропейских отношений вступили новые глобальные (уже не сухопутные, но океанские) акторы: Великобритания, позднее – Соединенные Штаты⁹.

Так или иначе, глобальные процессы XIX-XX столетий подсказывали народам этого весьма обширного ареала императивы сколько-нибудь оформленного национального сознания. И чаще всего – с сильными антиимперскими обертонами. Однако для большинства народов региона (здесь радикальными исключениями

⁷ Речь, разумеется, не идет о каком-либо выстраивании иерархической схемы этих трех составляющих нашего рассуждения, но о соотношении этих составляющих. – См.: Рашковский Е. Б. Многомерность развития, или на путях к гуманитарной глобалистике // Рашковский Е. Б. Философия поэзии, поэзия философии. – СПб.: Алетейя, 2016. С. 137-164; Семененко И. С., отв. ред. Идентичность: личность, общество, политика. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.

⁸ Нынешние территории Брестской и Гродненской областей.

⁹ Первоначально, в XIX столетии, Соединенные Штаты вступили в центрально-восточноевропейский ареал как актор сугубо экономический (хлопок-сырец, тростниковый сахар, начатки современных технологий, капиталы, денежные переводы от эмигрантов. Политическое же присутствие США в ареале обозначилось лишь в канун Первой мировой войны.

выступали народы Польши и Венгрии, отчасти Чехии) эти процессы становления оформленного и теоретически отрефлексированного национального сознания не имели возможности опереться на прочные традиции дворянской и интеллигентско-бюргерской культуры. И посему менталитет и весь культурный облик этих народов оставался в значительной мере крестьянским, групповым, патерналистским¹⁰. Интеллигенции как необходимого генератора политического сознания этих обществ, умевшего соотносить их внутреннюю проблематику с судьбами окружающих их обществ и народов, здесь явно не доставало.

Народы занимающего нас ареала, как правило, всерьез вступили в полосу национально-государственного строительства лишь после Первой мировой войны¹¹ (за исключением Северной Македонии, обретшей свой условный национально-государственный статус в рамках Югославии после Второй мировой).

Итак, некоторым общим знаменателем в судьбах народов центрально- и восточно-европейских стран оказалось медленное схождение идей национально-государственной «самобытности» в широкий круг крестьянских, полукрестьянских и осваивающих начатки городского общежития полутрадиционных масс. Причем – в условиях становления и нарастания индустриально-урбанистических жизненных процессов, а позднее – и процессов постиндустриальных¹².

Новейшая история белорусского народа и его государственности, в общем-то, не выпадает из этого контекста, хотя и несет в себе множество специфических черт, на которых нам придется остановиться.

Инициатива воссоздания белорусской государственности, утраченной еще на исходе Средних веков и – во многом – вследствие натиска Контрреформации¹³, была следствием не столько внутренних импульсов, сколько политической воли молодой Советской России. Последняя, во многом опиравшаяся на ленинские идеи федерализации и автономизации, нуждалась в политическом и идеологическом барьере против тогдашней «панской» Польши, которая в те поры мыслилась основным военно-стратегическим противником Советской России.

31 июля 1920 г., т. е. в разгар советско-польской войны, была принята «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии». 30 декабря 1922 г. БССР (вместе с РСФСР, Украиной и Закавказской Федерацией) подписала Договор о создании СССР.

Проводившаяся на протяжении 1920-х гг. политика «белоруссизации» (и вместе с ней – поддержки культурной автономии национальных меньшинств Республики), сыгравшая существенную роль в становлении белорусской государственности, тем не менее, омрачалась преследованиями интеллигенции, духовенства, «нетрудовых

¹⁰ Гегель определил основу этого менталитета как «неопосредованность, невыделенность» личности из традиционного коллектива (Unmittelbarkeit), а Бенедетто Кроче – как *servilità*. – См.: Рашковский Е. Б. Дон Бенедетто и иже с ним: итальянская философская мысль XX столетия глазами российского историка // Рашковский Е. Б. Философия поэзии... С. 276-289.

¹¹ До периода Первой мировой исключение в Центрально-восточноевропейском ареале составляли довольно слабые государственные системы четырех балканских монархий. Что же касается Венгрии, то превращение ее в номинально равноправного партнера в рамках двуединой Габсбургской империи (1868-1918) знаменовало собой лишь частичное исполнение ее национальных чаяний.

¹² Основная проблематика исторических судеб и коллективного сознания центрально- и восточно-европейских народов впервые была очерчена в 1950-е годы в трудах чешско-американского историка Ханса Кона (Kohn); позднее – и в более современных терминах и на более широкой теоретической базе – эта проблема анализировалась в трудах Имм. Валлерстайна.

¹³ Последняя, обращенная против православия и распространившегося на белорусских землях протестантизма, нанесла непоправимый удар по тогдашней белорусской знати, шляхте, духовенству и бюргерству.

элементов» (наделенных унижительным статусом «лишенцев»), оскорбительной антирелигиозной пропагандой, разрушением православных храмов, костелов и синагог¹⁴.

Ко времени коллективизации (начало 1930-х гг.)¹⁵ программы «белоруссизации» были свернуты. А к 1937 г. начались преследования партийно-советских лидеров Беларуси. Летом 1937 г. усилиями первого секретаря ЦК и Минского обкома КП(б)Б Василия Шаранговича были доведены до самоубийства председатель ЦИК БССР Александр Червяков и председатель Совнаркома БССР Николай Голодед¹⁶. Преследования Червякова и Голодеда осуществлялись по личному указанию Сталина Шаранговичу¹⁷. Не прошло и года после гибели обоих лидеров, как и Шарангович, один из организаторов Большого Террора в Беларуси, обвиненный в подготовке покушения на Ворошилова, нашел свою смерть на расстрельном полигоне в подмосковной Коммунарке (апрель 1938 г.).

Вообще, история Беларуси и ее народов глубоко трагична. На протяжении последних веков эта страна была ареною опустошительных войн между Россией и Польшей, наполеоновского нашествия, Первой и Второй мировых войн.

Что же касается последней, то гитлеровское нашествие и его злодеяния (истребление и ограбление мирного населения, карательные экспедиции, реквизиции и повинности, массовые угоны молодежи в Германию, разрушение культурных ландшафтов) – нанесло непоправимый удар Белорусской земле и ее народам.

Послевоенное, и в особенности после XX съезда КПСС, восстановление сельскохозяйственного и промышленного потенциала республики, развитие ее научной и образовательной инфраструктуры было во многом связано с тем поколением лидеров, которые имели за плечами опыт участия в Великой Отечественной войне и в партизанском движении: первыми секретарями ЦК КПБ Кириллом Мазуровым (1956-1965) и харизматичным и образованным Петром Машеровым (1965-1980)¹⁸.

Характерные для последних десятилетий стремительные процессы урбанизации и индустриализации, насаждение систем ВПК, институтов науки и образования – всё это несло в жизнь БССР не только моменты техно-экономической модернизации и культурного обновления, но и новые, доселе неведомые противоречия. В частности, противоречия между опиравшейся на традиционный менталитет партийно-государственной бюрократией и образованными, урбанизированными слоями населения.

Эти противоречия всплыли с особой силой в период горбачевской «Перестройки» и в ходе последующих событий.

Парадоксом этого сдвига оказалось то обстоятельство (впрочем, весьма характерное для текущей истории народов Центральной и Восточной Европы), что общедемократические требования и императивы экономических преобразований оказались сопряженными с «правой», национал-патриотической символикой и риторикой. Одним из выразителей этого национал-демократического синтеза оказался белорусский лидер уже нового, послевоенного поколения – Станислав Шушкевич.

На судьбе Шушкевича стоит остановиться особо.

Станислав Станиславович Шушкевич (род. 1934, сын белорусских сельских учителей, родной язык – белорусский, исповедание – римско-католическое) –

¹⁴ Эти преследования – одна из важнейших тем трудов современного белорусского историка Андрея Замойского.

¹⁵ Жестокости «коллективизации» на Белорусской земле подробно описаны в художественной прозе их свидетеля – Василя Быкова («Знак беды», «Облава»).

¹⁶ Ныне не минском здании, где проживали оба белорусских лидера, установлены мемориальные доски.

¹⁷ Резолюцию Сталина от 14 июня 1937 г. на шифровке Шаранговича относительно «разоблачения» Червякова и Голодеда см.: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61082> Access 20.06.2020

¹⁸ Последний погиб, возвращаясь из Москвы, в автокатастрофе при до сих пор не выясненных обстоятельствах. – См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Машеров_Петр_Миронович#Личность Access 20.06.2020

выдающийся ученый-радиофизик, лауреат премии Совета Министров СССР (1985 г.). В 1986 г., будучи членом утвержденной ЦК БКП Государственной комиссии по расследованию результатов Чернобыльской катастрофы на территориях БССР, отказался подписывать заключение Комиссии, считая ее выводы недостоверными. В 1991-1994 гг. – председатель Верховного Совета Республики Беларусь. 8 декабря 1991 г. подписал от имени Беларуси соглашения о роспуске СССР и о создании СНГ. В настоящее время – по преклонному возрасту – почетный председатель партии «Белорусская социал-демократическая громада».

Шушкевич полагает, что антиинтеллектуалистские взгляды сменившего его национального лидера Беларуси – Александра Лукашенко – «колокол по каждому из белорусов»¹⁹.

Новый и поныне бессменный лидер Республики (с 1994 г.) Александр Григорьевич Лукашенко, родившийся уже в относительно спокойную, послевоенную и послесталинскую эпоху (в 1954 г.) и в неполных 40 лет возглавивший Республику, представлял собой тип национального лидера совершенно иной формации. Лидера авторитарного, патерналистского, связанного с психологией сельского жителя и – одновременно – с психологией прежнего советского партийно-хозяйственного работника. Лидера, ориентирующегося на глубокие патерналистские комплексы большинства населения. По складу характера, Александр Лукашенко – не столько лидер, сколько именно «Батяка». Его импульсивность и простонародный говорок с хрипотцой не могли не льстить «массам»...

Положение сегодняшнего руководства Беларуси – объективно – является чрезвычайно сложным. Волей-неволей, оно вынуждено считаться со сложностью геополитического положения Республики, со скудостью ее сырьевой базы, с неосуществленностью давно назревших экономических реформ, с необходимостью взаимного соотнесения интересов и устремлений несхожих массивов населения, с необходимостью считаться с расстановкою сил и интересов акторов нынешних глобальных экономических и политических процессов. Здесь характерны проблемные связи:

- Россия – Беларусь – Запад;

- Россия – Беларусь – Китай (последний – весьма сильный экономический партнер Беларуси);

и – the last, but not the least – еще одна важнейшая связь:

- Россия – Запад – Беларусь – вышедшие из «шинели» государственного социализма специфические центрально- и восточно-европейские соседи Беларуси: Украина, Польша, республики Балтии. В этом глобальном раскладе Республика обречена на сложную политику экономического и дипломатического лавирования.

Одна из весьма интересных сторон исследования Александра Дмитриевича – вольный или невольный сдвиг правящей бюрократической верхушки Республики (силовики, официальные идеологи, оперирующие журналом «Беларуская думка», дипломаты) от неосоветской политической риторики к риторике оппозиционной, национал-патриотической интеллигенции – вплоть до некоторого (при жестком политическом прессинге) заискивания президента Республики Беларусь перед оппозицией²⁰. Так власть расчищает себе некоторое пространство для возможных политических маневров.

¹⁹ Халіп У. Па той бок Рубікона. – <http://charter97.org/2007/09/03/rubikon> Access 23.06.2020

²⁰ См.: Встреча с активом Брестской области [22.06.2020]. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-aktivom-brestskoj-oblasti-23866/ Acctss 23.06.2020

Nota bene. По замыслу президента, на «актив Брестской области» были привлечены не только основные областные чиновники, но и – косвенно – лидеры местной оппозиции. Вот некоторые высказывания Лукашенко на «активе»: «...мы страна открытая, нам это выгодно, и мы такую практику будем продолжать... Есть большинство, оно в основном всё решает. Но есть меньшинство, к которому надо

Многие западные, да отчасти и российские комментаторы связывают это обстоятельство с предпосылками чисто персоналистского плана: с неудачей «Батьки» добиться лидирующего положения в Союзном государстве России и Беларуси. Всё же думается, что предпосылки этого процесса куда глубже, нежели предпосылки чисто личного свойства: сознавший себя за последние три десятка лет административно-политический класс Республики Беларусь едва ли способен согласиться на амплуа «младшего брата» своих московских коллег. Хотя и всерьез оторваться от последних по условиям экономическим, геополитическим и общекультурным он не в состоянии.

Во всяком случае, объективной потребностью не только бюрократической верхушки, но и Республики в целом как суверенного государства является сочетание глубоких связей с Россией и одновременно – наращивание элементов самостоятельной государственности и гражданского общества, что диктуется необходимостью рыночных реформ и самим объективно-посредническим положением государства и народа Беларуси между Россией и европейскими народами²¹. Положением в самом сердце Европы.

Исторически обусловленная политика суверенизации Беларуси не обходится без просчетов. Один из таких просчетов президента Лукашенко – его демонстративное отрицание угрозы пандемии коронавируса населению Республики в мае 2020 г.²². К началу июля 2020 г. в Республике, по данным прессы, насчитывалось порядка 60 000 зараженных коронавирусом на 9 с лишним млн. населения.

Другим серьезным и раздражающим общество политическим просчетом президента является постоянное акцентирование роли его сына Николая – от самых детских его лет – как своего рода престолонаследника Республики. Так что речь идет не столько о властной комбинаторике идеологических заимствований и репрессий, сколько о самоутверждении не вполне устойчивой авторитарной власти.

Но, так или иначе, внутрибелорусский диалог, равно как и открытый и уважительный диалог с Россией и с окружающим миром, становится насущной, хотя и с трудом осуществимой исторической потребностью современного развития страны.

А.Г. Володин: Внешнеэкономические связи Белоруссии как стратегия «спасения» суверенитета. Экономический потенциал Белоруссии, созданный за время пребывания республики в составе Советского Союза, в настоящее время нуждается и в обновлении, и в диверсификации. А.Д. Гронский, на наш взгляд, правильно определил дилемму этой постсоветской республики: либо интеграция в структуры, ассоциированные с Европейским союзом, либо, по сути дела, вступление в состав России на правах субъекта РФ. Оба эти пути, насколько можно судить по поведению А.Г. Лукашенко и его ближайших соратников, не устраивают белорусское руководство, поскольку грозят утратой реальной власти. Неудивительно поэтому, что избран курс на укрепление суверенитета Белоруссии всеми доступными средствами.

Понятно, что судьба Европейского союза с каждым месяцем становится все более неопределенной, из чего следует: рассчитывать на ЕС как на фактор «баланса-торга» в отношениях с Москвой не приходится. Становится ясно, что руководство России (и подобная политическая линия выглядит как неизбежной, так и необратимой) постепенно переводит отношения с Белоруссией из состояния «привилегированного стратегического партнерства» в положение «благожелательного добрососедства».

У укрепления суверенитета, таким образом, остается совсем немного несущих конструкций. Одной из таковых представляется, на основе накопленного, «советского»

прислушиваться. Поэтому я не считаю, что... мнением меньшинства... следует пренебрегать... Я считаю, что любой человек имеет право высказывать свою позицию» (Там же).

²¹ См.: Суздальцев А. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // МЭиМО. М. 2020. № 3. С. 56-67.

²² См.: Барлюэ А. Белоруссия: Лукашенко запирает оппозицию на замок. –

<http://www.inopressa.ru/article/22jun2020/lefigaro.btlorussia.html> Access 23.06.2020

потенциала, развитие кооперационных связей с развивающимися странами, которые входили в систему внешнеэкономического сотрудничества и бывшего Советского Союза.

Одним из таких возможных партнеров является Индия. Белорусско-индийские отношения вот уже более двух десятилетий продолжают интенсивно развиваться в различных отраслях народного хозяйства – от фармацевтики до энергетики. Индия, в последнее время испытывающая на себе давление протекционистских мер в Америке и Юго-Восточной Азии, ищет новых, предсказуемых партнеров, и здесь Белоруссия предстает далеко не последней «фигурой». В частности, соглашение о Зоне свободной торговли между Индией и ЕАЭС, членом которого является Белоруссия, может перевести внешнеэкономические связи двух стран в режим самоподдерживающегося роста. Важным элементом всей системы двусторонних отношений может стать и военно-техническое сотрудничество в отраслях экономики, обслуживающих эксплуатацию вооружений и военной техники. Индийские компании также начинают проявлять интерес к энергетическому сектору Белоруссии (модернизация Гродненской ТЭЦ-2), а Белоруссия – к горнодобывающей промышленности Индии. Основные статьи экспорта Индии в Белоруссию – это медикаменты, антибиотики, свежие листья табака, экстракты чая и кофе, электрические трансформаторы, хлопчатобумажная пряжа, продукция черной металлургии. В свою очередь Индия ввозит из Белоруссии калийные и азотные удобрения, материалы из нейлонового корда для шин, искусственные волокна, чугун, беспримесную сталь, пневматические резиновые шины и трубки и т.п.

Сотрудничество Белоруссии и Индии развивается в различных направлениях – торгово-экономическом, инвестиционном, промышленном, научно-техническом. Приоритет отдается производственной кооперации в сфере новых технологий, машиностроения, фармацевтики. Помимо фармацевтики, предметом научного и инновационного сотрудничества между странами становятся нано- и биотехнологии, робототехника, информационные технологии.

Развивая отношения с Белоруссией, Индия, помимо прочего, «держит в уме» факторы и обстоятельства геополитического характера. Дели, говоря откровенно, стремится нейтрализовать «китайский фактор», полагая движение КНР в страны Восточной и Центральной Европы угрозой стратегическим целям своей внешней политики. Так, становятся заметными сдвиги в обменах в области образования. В настоящее время в Белоруссии учатся индийские студенты, в основном будущие медики и инженеры. Индия также рассчитывает получить доступ к взаимодействию не только в военно-технической, но и в авиакосмической сфере. В свою очередь белорусские студенты и стажеры работают и учатся в Индии по разным специальностям – от менеджмента и финансов до журналистики и кибербезопасности, где индийцы имеют немалый полезный для Белоруссии потенциал.

Наконец, за счет создания производственной и технологической базы в центре Европы индийские компании теоретически получают дополнительные возможности выхода на рынки стран Европейского союза. Кроме того, Белоруссия традиционно продает за рубеж свою сельскохозяйственную технику, прежде всего тракторы и комбайны. Белорусские производители планируют завоевать до 25 % индийского рынка комбайнов. Однако только время покажет, насколько двусторонние отношения и внешнеэкономические связи вообще помогут Белоруссии укрепить ее государственность и суверенитет.

М.А. Володина: Возможности сотрудничества Белоруссии со странами Востока. Хочу дополнить выступление А.Г. Володина сходными соображениями о внешнеэкономической политике Белоруссии, но в других направлениях. За последние годы экономическое присутствие Белоруссии заметно усилилось на Ближнем Востоке. Так, в 2019 году президент Египта М. Ас-Сиси впервые в истории двусторонних отношений прибыл с официальным визитом в Белоруссию. Торгово-инвестиционные

отношения между странами заметно расширяются и растут. Белоруссия поставляет в Египет крупную автомобильную технику (тракторы, грузовики), оборудование широкого профиля и пр. Египет поставляет в Белоруссию цитрусовые, фармацевтическую продукцию.

По данным белорусского министерства иностранных дел, ведущими экспортерами белорусской продукции в Египет являются: ОАО "Белорусский металлургический завод", ОАО "Минский тракторный завод", ОАО "Минский автомобильный завод", концерн "Белнефтехим".

Успешными примерами активного и продуктивного взаимного сотрудничества двух стран являются совместные производства грузовых автомобилей МАЗ на базе компании "Helwan Machinery and Equipment" Министерства военной промышленности Египта, сборочное производство тракторов МТЗ на базе компании "Mediterranean Industrial Company". Открыты сборочные линии дорожно-строительной техники ОАО "Амкодор", сельскохозяйственной техники ОАО "Бобруйскагромаш", ведется работа по созданию сборочных линий дизельных двигателей ОАО "Минского моторного завода"²³.

Стратегическим шагом для привлечения инвестиций в Египет стал закон об инвестициях, принятый в Египте для активного привлечения инвестиций, а также для снижения бюрократических и финансовых издержек. В результате Египет для Белоруссии становится важным стратегическим партнером, своеобразными воротами в Африку, открывающими Белоруссии рынки Африканского континента. И за последние годы внимание белорусских компаний к африканским проектам растет. Белоруссия уже открыла 4 посольства на Африканском континенте – в ЮАР, Египте, Эфиопии и Нигерии, то-есть в разных частях Африки и в государствах с растущей экономикой. Вместе с тем внешнеэкономическая стратегия Белоруссии на Ближнем Востоке в немалой степени зависит от политической ситуации в регионе, ибо в некоторых странах рассчитывать на долгосрочные проекты не приходится ввиду перманентной политической нестабильности.

Наиболее активно в торговом плане развиваются отношения Белоруссии с Турцией, как в сфере туристического бизнеса (снят визовый режим для обеих стран, было подписано соглашение о реадмиссии), так и в совместных сборочных предприятиях. Уже открыто представительство "МАЗ" в Турции и на его основе планируется расширение специализации производства (производство автобусов на сжиженном газе). Обе страны заинтересованы в создании совместных сборочных предприятий по производству крупной техники, не производимой в Турции – снегоуборочной техники, большегрузных карьерных самосвалов и др.

Сотрудничество Белоруссии с нефтедобывающими странами Ближнего Востока крайне неустойчиво и сильно зависит от нефтедобычи и цены на нефть. Белоруссия стремится диверсифицировать поставки нефти в свою страну, а также расширить присутствие своих машиностроительных компаний на перспективных рынках Африки и Ближнего Востока. В ближайшее время следует ожидать появления новых белорусских проектов в развивающихся странах, особенно в нефтедобывающих государствах и некоторых быстрорастущих экономиках стран Африканского континента.

И.Н. Куклина: Военно-политические отношения РФ и Белоруссии: перспективы развития. «Украина золотая, Белоруссия родная...» - таково было начало припева песни Красных полков, родившейся во времена гражданской войны. И это не потерявшие смысла прилагательные. Сегодня Украина для России действительно «золотая», особенно учитывая фактор затрат и потерь. А Белоруссия (РБ) в общественном восприятии, вне зависимости от политики «бабки» Лукашенко, остается своей, родной, близкой.

²³ http://egypt.mfa.gov.by/ru/blr_egypt/

Военно-политические отношения двух стран являются не менее, а, возможно, и более значимыми, чем сфера экономического сотрудничества и торговли. В конце 2018 г. министр обороны РФ С.К. Шойгу отметил, что Республика Беларусь — это надежный военный союзник России. В ответном выступлении белорусского министра обороны подчеркивалось, что военные ведомства двух стран придерживаются единых оценок вызовов и угроз региональной безопасности.

Однако совсем недавно, 28 июня с.г., президент Белоруссии с 26-летним стажем у власти заявил, что Беларусь — это последний союзник России. Означает ли это намек на возможности потери этого союзника? На закономерное продолжение самоликвидации СНГ и завершение процесса распада Советского Союза, начатого в Беловежской Пуще? И прояснится ли в августе ответ на этот вопрос после проведения предстоящих выборов (или, как все привыкли, перевыборов) президента?

В условиях общей геополитической нестабильности и на фоне охватившей весь мир пандемии Белоруссии не позавидуешь. Запад, который примерно полтора десятилетия практически рассматривал Белоруссию как безнадежно авторитарную страну, накрепко привязанную к столь же авторитарной России, сейчас проявляет к ней все больше внимания. Это вызвано прежде всего заметным осложнением внешнеполитических отношений РБ и России. О том, что Беларусь не разорвала отношений с Грузией после «восьмидневной войны» и не признала Абхазию и Южную Осетию, не отказалась от развития отношений с Украиной и, что особенно важно, не признала Крым как российскую территорию, уже говорилось докладчиком. Претензий на членство в НАТО, тем более с таким жаром, как Украина, Беларусь в лице Лукашенко пока не высказывает. Тем не менее не столь давно Минск осчастливил визитом госсекретаря США. Европа, погруженная сейчас в решение собственных проблем, тоже относится к сегодняшней Белоруссии достаточно благосклонно.

Что касается России, то не следует забывать, что территориально Беларусь — это та дорога, по которой всякий раз шла на Русь агрессия с Запада. Сейчас же ее значение возросло еще и потому, что по т. н. Сувалкскому коридору (удобный для передвижения войск путь через Польшу и Литву) всего 100 км до границы Калининградского анклава России.

Сегодня все это может показаться не столь важным, поскольку популярным является ожидание третьей мировой войны, а более мелкие конфликты стали привычными. Однако на самом деле для России с точки зрения ее сегодняшних оборонных потребностей Беларусь особенно нужна как необходимое звено единой системы ПВО, которую предполагалось создать по договору об образовании Союзного государства России и Белоруссии. Но с Республикой Белоруссией такого договора нет, и Лукашенко не соглашается на размещение российской авиабазы на ее территории, что мешает России закрыть «дыру» в системе ПВО. Ей приходится использовать авиабазы, расположенные ближе, у Смоленска, а это уже слишком близко к Москве.

Разумеется, военно-политические отношения РФ и РБ не ограничиваются только этой проблемой. Россия поставляет в Белоруссию оружие собственного производства: стрелковое и артиллерийское вооружение, авиатехнику и др., в том числе на льготной основе (например, зенитный комплекс С-400). Регулярно проводятся совместные крупномасштабные военные учения. Важным составляющим звеном отношений двух стран являются учебные, производственные и научные связи между военно-промышленными комплексами двух стран. По данным Госкомвоенпрома, около 900 российских предприятий ВПК поставляют свою продукцию 67 предприятиям Белоруссии. Доля поставок продукции белорусских предприятий ВПК в Россию составляет 15% стоимости общего товарооборота военно-технической продукции. В основном это комплектующие вооружения и военной техники.

Все это необходимо учитывать (да и нельзя не учитывать) в переговорном процессе обеих стран.

А.Д. Гронский: ответы оппонентам. Согласен с **Е.М. Кузьминой:** название доклада действительно, сформулировано широко. При подготовке его к печати стоит заголовок конкретизировать.

Можно согласиться с тем, что отсутствие серьезной модернизации и специфика управления экономикой повлияли на уменьшение конкурентоспособности белорусской продукции, не привели к желаемому результату (завод белевой целлюлозы в Светлогорске, все четыре цементных завода, льнокомбинат в Орше и др.).

Можно предположить, что в ЕАЭС Белоруссия ведет себя достаточно активно потому, что основной рынок сбыта белорусской продукции находится все же в бывших республиках СССР. Также немаловажно, что Лукашенко не раз добивался от России экономических уступок в обмен на всего лишь обещания. В этом смысле с Россией было легче работать. «Восточное партнерство» изначально было для официального Минска некомфортным образованием, поскольку постоянно всплывала тема внутренней ситуации в Белоруссии. В 2011 г. белорусский президент не был приглашен на саммит «Восточного партнерства», и республика отказалась принимать участие в мероприятии. К тому же организация имеет более политическую, чем экономическую составляющую, что не устраивает Минск. Кстати сказать, сами инициаторы «Восточного партнерства» – поляки не слишком высоко оценивают его функционирование. В 2016 г. министр иностранных дел Польши В. Ващиковски заявил, что «Восточное партнерство» потерпело фиаско.

В ответ на замечания **Е.А. Брагиной.** Термины «модернизация» и «развитие» чаще применяют к рассмотрению социально-экономических факторов. Но модернизироваться может и сознание, и идеология, и иные проявления общественной жизни. В белорусской специфике идеология играет порой большее значение, чем экономическая целесообразность, поэтому ряд решений в социально-экономической сфере зависят не от параметров экономики и даже не от экономической выгоды, а от текущих политических установок и идеологических предпочтений. Конечно, если доклад посвящать только социально-экономической проблематике, тогда, без сомнения, необходимо более глубоко анализировать именно эту сферу жизни государства и общества.

Пожалуй, можно согласиться с **А.З. Арабаджян,** что проблема «волатильности позиции президента Белоруссии А. Лукашенко по отношению к России» заслуживает дальнейшей проработки. Проблема эта ярко проявилась с началом президентской гонки 2020 г. Ей – и шире – проблеме легитимности А. Лукашенко – стоило бы посвятить отдельное исследование, проведенное не только по материалам избирательной кампании, но и по ее итогам.

По поводу выступления **А.И. Суздальцева.** Вопрос «формирования и эволюции политики России по отношению к современной Белоруссии и режиму А. Лукашенко» безусловно имеет особую значимость, поскольку торможение процесса создания Союзного государства, углубление интеграции, происходящее с белорусской стороны, спровоцировано в том числе и неопределенной политикой России в отношении своего соседа. Существенную роль в торможении интеграционных процессов играла и играет российская внешняя политика на постсоветском пространстве. Россия зачастую сама стремится к интеграции лишь на словах, на деле давая себя обманывать неисполняемыми заверениями со стороны других стран.

Относительно выступления **Д.В. Болкунца.** Им точно подмечено, что «в медиапространстве республики доминирует националистический, прозападный и одновременно антироссийский контент на фоне формальной, но с многочисленными оговорками, поддержки государственными СМИ интеграции с Россией». При этом нужно отметить, что данный контент формирует антиинтеграционную повестку

латентно, что вызывает критику антироссийски настроенных сил, желающих моментального разрыва интеграционных связей с Россией.

Согласен с **Н.А. Карагодиным**, что белорусская экономика традиционно завязана на странах бывшего СССР и, особенно, России. Потеря российского рынка для некоторых отраслей будет критичной. Особенно сильна зависимость от российских нефти и газа. Вместе с тем поставки нефти можно попытаться диверсифицировать. Это было сделано в 2019 г. Но попытка привела лишь к уменьшению золотовалютного резерва страны и углублению экономического кризиса. Все попытки прорваться с белорусской продукцией на другие рынки успехом не увенчались.

Как ориентирована белорусская молодежь, вопрос достаточно дискуссионный. Судя по соцопросам негосударственных служб, которые проводились до 2016 г., большая часть белорусской молодежи аполитична. Она не слишком жалуется действующего белорусского президента, но не готова к каким-то действиям или поддержке прозападного курса. В 2019 г. вышла книга Ирины Лашук «Социокультурный анализ современного белорусского общества», где социолог представила интересные данные исследований среди белорусских студентов-гуманитариев. Так, на вопрос «о ком вы могли бы сказать „Это – мы“?» 50 % студентов ответили, что идентифицируют себя с гражданами России, и 28 % – с представителями «Русского мира. Правда, по мнению белорусских националистов, в результате усиления критики России после 2014 г. может произойти снижение уровня отождествления себя с гражданами России.

Стремление белорусской молодежи уехать на работу именно в Европу, а не Россию связано более с идеологическими установками. Россия привлекательна отсутствием языкового барьера и более понятными условиями жизни, а также отсутствием пограничного контроля. Но в последнее время стремление уехать на Запад начинает усиливаться. Это связано в том числе и с пропагандой, которая представляет Россию в негативном свете. Хотя стоит отметить, что на протяжении многих лет на вопрос оппозиционных социологов, являются ли русские, белорусы и украинцы одним народом, более 65 % белорусов постоянно отвечала, что являются. Поэтому даже при победе откровенно антироссийских сил и полного отказа России от защиты белорусских сторонников интеграции будет сложно переформатировать идеологически и культурно.

По поводу более высокого чем в России белорусского уровня жизни, отмеченного **О.Б. Неменским**, всё же не соглашусь. Уровень жизни как в России, так и в Белоруссии различается от региона к региону, но если усреднять, то покупательная способность населения в России выше. В Белоруссии обучаются некоторые россияне. Они часто ездят домой, поэтому могут сравнить уровень жизни. Их вердикт не в пользу Белоруссии. Раньше уровень жизни в Белоруссии действительно был выше российского, но с течением времени, с нарастанием социально-экономических проблем, он понизился.

В Белоруссии так же, как и в России, как мне кажется, присутствует упрощенный взгляд на интеграцию как на стремление российских олигархов ликвидировать процветающую белорусскую экономику. Зачем это российским олигархам надо, обычно не уточняется. Такой взгляд обычно присутствует у тех, кто идеологически обслуживает власть или подвержен официальной пропаганде.

Согласен с **О.Б. Неменским**, что российские позиции в Белоруссии крайне слабы, что российское информационное присутствие очень сильно ограничено. Между тем в этом плане Россия имеет огромный потенциал, поскольку большинством белорусов воспринимается как свое или близкое государство.

Разрыв единого гуманитарного пространства наших стран – это сегодняшняя реальность. Это пространство поддерживается исторической памятью, но не современной системой образования или пропаганды Белоруссии. Я анализировал школьные учебники по истории. В них история изучается в двух вариантах – всемирная и отечественная. Отечественная – это история Белоруссии, всемирная – всех остальных стран. И вот тут возникает интересный момент. Древняя Русь изучается во всемирной

истории, в отечественной – Полоцкое и Туровское княжества. А вот Великое княжество Литовское, в состав которого входили, помимо нынешних белорусских земель, еще нынешние украинские, литовские, часть русских, немного латышских и польских, полностью изучается в учебнике по истории Белоруссии. Истории Литвы нет в учебнике всемирной истории периода середины XIII – середины XVI в. После этого белорусские земли попали в состав Польши – первой Речи Посполитой. Это государство со столицей в Варшаве изучается в курсе истории Белоруссии. Ранее во всемирно истории этого периода Польша не изучалась. И тому подобное.

Некоторые белорусские школьные учителя истории утверждают, что белорусские учебники являются пророссийскими лишь потому, что не формируют из России явно негативный образ. То, что негативный образ формируется неявно, они отказываются признавать. В частности, российским властям ставится в вину непризнание белорусского языка как самостоятельного, а не как диалекта русского языка. Но самостоятельность белорусского языка не признавал никто, однако виновата в непризнании только Россия. Белорусскому национализму, который боятся называть национализмом, а называют национальным движением, посвящен большой информационный блок, хотя белорусский национализм был незаметен среди других национальных проектов. А западнорусизму – течению, которое рассматривало белорусов как часть русского народа, отведено пара абзацев, да и то с фактическими ошибками.

Согласен с выводом Олега Борисовича, что «Россия теряет Белоруссию ровно по той же технологии, что и Украину».

Соображения по поводу интересного выступления **Е.Б. Рашковского**. Термин Белая Русь фиксируется еще в XII – XIII вв., правда не на той территории, на которой сейчас расположена Белоруссия, а вот термин «белорус» возникает лишь в конце XVI в.

У ряда народов Восточной Европы не было собственной «традиции дворянской и интеллигентско-бюргерской культуры», но это если мы смотрим ретроспективно и воспринимаем предков носителями такого же самосознания, как и их нынешние потомки. В XIX в. никто не предполагал, что белорусы существуют как отдельная реальность, на тот момент подавляющее большинство жителей белорусских земель было уверено, что они русские. А русская традиция дворянской культуры существовала. Я как-то давно писал про попытки формирования белорусской элиты в начале XX в. и упоминал мнение некоторых исследователей, что белорусы – крестьянская нация, у них не было своей национальной элиты. Но это опять же модернизация истории, когда современные представления переносятся в прошлое. Крестьяне сами себя считали русскими, ученые рассматривали их как разновидность русского народа, а не отдельный народ. А если жители Северо-Западного края Российской империи в XIX в. в массе имели самосознание русское, а не белорусское, можно ли рассматривать русскую культурную элиту как и их элиту тоже?

В текстах белорусских националистов начала XX в. есть интересные упоминания, что после Февральской революции местные крестьяне на Всебелорусском крестьянском съезде заявили, что они не белорусы, а русские, так же отреагировали сельские учителя на Всебелорусском учительском съезде. Даже на съездах белорусских националистов весной 1917 г. были споры о том, если ли смысл в белорусском языке. А создатель белорусоведения академик Е. Карский утверждал, что до революции слово «белорус» не было известно практически никому из белорусских крестьян. Советский ученый Н. Улащик родом из-под Минска впервые услышал, что он белорус в 1919 г. Таких примеров много.

Не совсем согласен с сформулированным Евгением Борисовичем предложением, что «Инициатива воссоздания белорусской государственности, утраченной еще на исходе Средних веков и – во многом – вследствие натиска Контрреформации, была следствием не столько внутренних импульсов, сколько политической воли молодой

Советской России». Точнее, не согласен с первой частью предложения. И полностью согласен со второй.

Белорусы не имели государственности в Средние века. С начала XX в. белорусские националисты выдают за белорусские государства древнерусское Полоцкое княжество и Великое княжество Литовское. Полоцкое княжество исчезло, будучи включенным в состав Литовского княжества, а литовское было включено в Речь Посполитую в середине XVI в. По мнению большинства ученых, белорусский этнос начал формироваться с середины XIII в. и сформировался к концу XVI в. Таким образом, если принимать эту теорию, белорусский этнос сформировался во время нахождения региона в составе Речи Посполитой, т.е. Польши. И опять же стоит напомнить, что первый человек с белорусским самосознанием – Соломон Рысинский – жил в конце XVI в. Но это был единственный зафиксированный случай. В XVII в. слово «белорусец» встречалось часто, оно было полным синонимом термина «православный». Иногда белорусцами называли жителей современной Восточной Белоруссии, но связано это было, скорее, с конфессиональными моментами – в Могилеве был центр единственной в Польше православной епархии. Так что древняя белорусская государственность – это миф, но миф на сегодняшний день работающий. Им пользуются в пропаганде и даже в науке. Более того, первый период белорусской государственности сейчас предлагается начинать с даты 100 тыс. лет до н.э!

Белорусская государственность реализовалась в советской форме. О том, что белорусы получают государственность, говорил И. Сталин буквально через два дня после Октябрьской революции. В феврале-марте была попытка объявить создание, а затем и независимость Белорусской народной республики как несоветской формы государственности. Националисты считают это началом современной государственности или возрождением прошлого, но в реальности это была фикция. Группе белорусских националистов немецкие оккупационные власти разрешили поиграть в политику и даже дали немного денег. С окончанием немецкой оккупации исчезла и Белорусская народная республика. Она была несамостоятельна, и сами националисты это признают.

Наконец, о соображениях, высказанных **И.Н. Куклиной**. Военно-техническое сотрудничество России и Белоруссии, конечно, важно, причем, для обеих сторон. Белоруссия получает от России новейшее вооружение по внутрироссийским ценам, а Россия использует шасси Минского завода колесных тягачей (МЗКТ) для установки на них стратегического ракетного оружия. Помимо того, Белоруссия выпускает шасси для некоторых российских систем ПВО. В российской армии применяются также средства связи белорусского производства.

Тем не менее реальность заставляет задуматься. После 2014 г. Белоруссия постепенно, но демонстративно разворачивается на Запад. В официальной риторике Россия становится некоей постоянно существующей опасностью, она то хочет подчинить Белоруссию на невыгодных условиях, а то и захватить ее. В этой ситуации уменьшаются гарантии того, что характеристики полученной Белоруссией новейшей военной техники российского производства не станут известны специалистам НАТО.

Явный разворот «последнего союзника» на Запад беспокоит Россию. Как минимум, создание тягача, известного как «Платформа-О» (КАМАЗ-7850) отвяжет российские Вооруженные силы от использования продукции МЗКТ.

Несмотря на проведение совместных учений как на территории России, так и на территории Белоруссии, российские военные присутствуют в Белоруссии на постоянной основе на двух базах (Радиолокационная станция «Волга» возле г. Ганцевичи Брестской обл. и 43-й узел связи Военно-морского флота России возле г. Вилейка Минской обл.). Отказ от создания российской авиационной базы в 2015 г. Лукашенко предложил компенсировать бесплатной передачей белорусской армии новейших российских истребителей. Но предложение осталось всего лишь на уровне пожеланий белорусского лидера. Более того, в последнее время Минск в военно-техническом сотрудничестве все

больше ориентируется на Пекин, а не на Москву. Но быстрого разрыва с Россией в области военного сотрудничества у Белоруссии объективно не получится. Все равно подавляющее большинство новой перспективной техники поставляется из России, Китай пока не занимает эту нишу.

Хотел бы поблагодарить за высказанные соображения и замечания. Постараюсь по возможности учесть их в окончательной публикации доклада.

В.Г. Хорос (заключение к семинару): У нас получилось содержательное рассмотрение выбранной темы, затронувшее ее разные стороны. Ведь развитие и модернизация – это комплексный процесс, включающий различные аспекты: экономические, социальные, политические и культурные. Уже сам доклад задал эту многосторонность, поддержанную другими участниками. Вместе с тем у нашего семинара были определенные сложности. Он состоялся в разгар предвыборной кампании в Белоруссии и обострения как внутренних, так и внешних проблем в стране (прежде всего отношений с Россией), и мы, естественно, не могли от этого абстрагироваться. Все же докладчик и выступающие старались держаться прежде всего основных линий анализа процессов развития и модернизации в постсоветской республике.

По докладу А.Д. Гронского были сделаны некоторые не лишние оснований замечания. Например, о недостатке экономического материала (Е.А. Брагина) или о неправомерности отрицания ориентации на интеграционность у руководства Белоруссии, которая ведь входит в ЕАЭС и ОДКБ (Е.М. Кузьмина). Мне также представляется, что в докладе порой делался излишний упор на, так сказать, лично-конъюнктурных моментах – в частности, резких переменах в политике президента А.Г. Лукашенко, связанных лишь с утратой им перспектив на президентство в России. Может быть, Александр Дмитриевич как-то учтет эти замечания в окончательной публикации своего доклада.

В каких-то моментах участники обсуждения дополнили сделанный доклад. Так, А.З. Арабаджян привела показательные данные о достижениях Белоруссии в экономической и социальной областях – об успехах машиностроения и промышленной потребительской продукции, сельского хозяйства, о существенном снижении уровня бедности и вообще социального неравенства (по коэффициенту Джини). И.Н. Куклина подчеркнула значение российско-белорусского сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, которое будет сохраняться в дальнейшем и позитивно влиять на отношения между нашими странами. Очень содержательный и взвешенный анализ этих отношений дан в выступлении О.Б. Неменского. Прекрасное дополнение к докладу (фактически самостоятельный доклад) о поисках белорусской социокультурной идентичности содержится в выступлении Е.Б. Рашковского.

Мне представляется, что при анализе нашей темы необходим сбалансированный подход, соблюдение разумных пропорций, так сказать, негатива и позитива. Для меня несомненно, что белорусский опыт наглядно продемонстрировал, что в ситуации развала СССР и его хозяйственной системы важно было удержать, сохранить здоровые компоненты советского наследия. Именно это обстоятельство выделило Белоруссию на фоне других бывших советских республик, в том числе по сравнению с Россией. (Здесь есть определенное сходство и с примерами Китая или Вьетнама, которые не прибегали ни к каким необдуманным экономическим обрушениям и «шоковым терапиям» и использовали бывший социалистический госсектор – реформировав его, конечно, - как своего рода гомеостаз для устойчивости возникающей рыночной экономики). И это дало возможность не только укрепить отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства, но и обеспечить приемлемый уровень жизни населения²⁴.

²⁴ По имеющимся оценкам, средняя зарплата в Белоруссии сегодня составляет порядка 500\$ (25 тыс. рублей) («Эксперт», 2020, №27, с. 14) – показатель лучше, чем в России, особенно если учитывать степень социального неравенства последней.

Некоторые считают (и докладчик в том числе), что эти успехи объясняются низкими ценами на покупаемые у России нефть и газ, что белорусская экономика является просто иждивенческой. С этим трудно, на мой взгляд, вполне согласиться. Конечно, низкие цены на импортное сырье играют немалую роль. Но, во-первых, неясно, каковы они, – мои попытки выяснить у специалистов реальные цифры ни к чему не привели, данные скрыты. Конечно, они в любом случае ниже мировых. Но ведь так и должно быть при союзнических отношениях, тем более в рамках ЕАЭС. Однако при всем при том дело не может быть только в ценах, но и в тех хозяйственных структурах, создаваемых в белорусском государстве, которые позволяют толково распорядиться выгодами от сырьевого импорта (отсутствие олигархата, широкой утечки капиталов за рубеж, криминальных явлений в экономической жизни и пр.).

Теперь об отношениях с Россией и степени интеграции. О.Б. Неменский совершенно прав в том, что формула Союзного государства с самого начала была неопределенной и продиктованной ситуативными соображениями. Федерация? Но она означает центральное правительство, совокупный бюджет, общую валюту и т.д. Конфедерация? Но и она предполагает общность по ряду позиций (административным и финансовым органам, координации по экономической политике, внешнеполитическому курсу). И вот здесь стали играть роль различия между российской и белорусской моделями общества. «Более тесная интеграция», которую в 2018 г. предложила Белоруссии Россия устами тогдашнего премьера Д.А. Медведева, была воспринята белорусской стороной (и, наверное, не совсем без оснований) как могущая вести к утрате суверенитета РБ – именно из-за различий в характере постсоветской экономики в одном и другом случае.

Плюсом нашего семинара, как я уже говорил, является включение в анализ культурно-исторической проблематики, ведущийся сейчас в РБ, поиск этно-культурных «корней» своей государственности. Вообще-то такого рода процессы очень длительны, а Белоруссия находится, что называется, в начале пути. При этом пока существует явное несоответствие между активным, но очень немногочисленным националистическим меньшинством, небольшой части белорусской элиты – и большинством остального населения с самоидентификацией своей «русскости» или близкой к таковой. Это констатировалось и в докладе, и в некоторых выступлениях.

Как может разрешиться данное противоречие? Перед нами пример Украины, где за два-три десятилетия сравнительно небольшой контингент настырных политиков и идеологов навязывал – и не без успеха – массовому самосознанию «самостийность», замешанную на руссофобстве. Все же вряд ли такое произойдет в Белоруссии. Помимо аргументов культурно-исторического характера и данных современных опросов (что в какой-то мере представлено в выступлениях на семинаре) сошлюсь на личные впечатления. Очень давно, полвека назад мне как военнообязанному пришлось участвовать в военных маневрах, которые происходили на территории Белоруссии. До сих пор не могу забыть теплый прием со стороны местных жителей, которые носили нам на позиции разную снедь, звали в гости и относились как к родным. Не могу представить, чтобы они (вернее уже их дети и внуки) устроили бы свой «майдан», на котором они проклинали бы «москалей».

Вместе с тем украинский пример поучителен. Будучи в курсе, что в «незалежной» активной действуют не только местные «самостийники», но и многочисленные зарубежные организации и спонсоры, поощрявшие национализм, российское руководство смотрело на это сквозь пальцы и никак не пыталось противодействовать, влиять на настроения украинского населения. Ровно это же имеет место в отношениях с Белоруссией (по принципу «никуда не денутся»). О такой «непротивленческой» политике справедливо говорил О.Б. Неменский, и не только он.

Что касается прогнозов на будущее, то по большей части высказывалось предположение, что резкого отторжения РБ от России все же не произойдет в силу

серьезных негативных последствий для обеих сторон. Я с этим согласен. Хотел бы лишь в связи с этим отметить определенное противоречие в позиции Н.А. Карагодина. Он понимает, что поворот Белоруссии на Запад, «в сторону ЕЭС» без сомнения привел бы «к вымыванию большей части производств республики с соответствующими социальными последствиями». И вместе с тем «радикальная смена политической системы» (а стало быть, и поворот на Запад) «дала бы молодежи возможность трудоустройства в Европе, участия в политической жизни, реализации антикоррупционной повестки и т.д.». Более прав, на мой взгляд, О.Б. Неменский, полагающий, что «вестернизаторский» курс запустит процесс «деиндустриализации, что для такого «индустриального острова» как Белоруссия, обернется всесторонней катастрофой» и – по опыту Латвии или Болгарии – «огромными миграционными потоками на восток и запад».

Закончу следующим. Настоящая кооперация России с Белоруссией (при сохранении последней государственного суверенитета) произойдет, как я уверен, тогда, когда российская модель развития, модернизации станет для нее привлекательным примером. Но это возможно только при серьезной коррекции нынешнего экономического курса РФ, связанного с ее остающейся пока экспортно-сырьевой ориентацией и следования неолиберальным рекомендациям международных финансовых организаций (МВФ и МБРР), на несовместимость чего с развитием указывают многие отечественные экономисты.